

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 8

1982

Дмитрий ЕВДОКИМОВ

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 8

Дмитрий ЕВДОКИМОВ

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
РИЧАРДА КОРОВИНА
В ПЯТНАДЦАТИ ФОТОГРАФИЯХ

Москва. Издательство «ПРАВДА».

1982

Дмитрий ЕВДОКИМОВ

Дмитрий Валентинович Евдокимов родился в 1937 году в городе Магнитогорске Челябинской области в семье учителей. В 1959 году окончил Московский государственный историко-архивный институт. Длительное время работал журналистом — сначала в многотиражной газете Подольского механического завода имени М. И. Калинина, затем в городской газете «Подольский рабочий». Был на комсомольской и партийной работе.

Жизненные наблюдения, встречи с интересными людьми послужили материалом для его будущих рассказов и повестей. Героями повестей «Ромкина целина» и «Штукатур первого разряда», опубликованных в журналах «Москва» и «Молодая гвардия», являются студенты, проходящие трудовое воспитание в целинном совхозе и на стройке. Документальная книга «Мой завод», вышедшая в издательстве АПН, повествует о славном прошлом и настоящем коллектива Подольского завода имени М. И. Калинина. Повесть «До рассвета» рассказывает о драматических событиях 1905 года в Подольске. Дмитрий Евдокимов является также автором повестей и рассказов для детей.

Дмитрий Евдокимов — заслуженный работник культуры РСФСР.

Такой альбом есть, конечно, в каждом доме. В бархатном и пропыленном переплете с металлическими застежками, обычно он бывает засунут в самый дальний угол книжного шкафа. Про него все забывают. И вдруг в один критический момент: будь то генеральная уборка либо катастрофическое положение в связи с приходом гостей, которых радушные хозяева не знают чем и как занять, альбом неожиданно всплывает наружу.

На первых страницах альбома фотографии расположены в строгом порядке.

— Мой дедушка с бабушкой, — горделиво говорит хозяин, показывая коричневую фотографию, изображающую сидящую неестественно прямо женщину и стоящего рядом молодцеватого мужчину с лихо подкрученными усами.

— Видите? Еще в Санкт-Петербурге снимались. Вот написано. В одна тысяча девятьсот втором году. Дед очень серьезный человек был. Помощником машиниста работал. Силы невероятной — рельсы гнул! Охотник заядлый, на медведей ходил.

Гости вежливо кивают, впрочем, не очень доверяя красочному рассказу хозяина. Но так уж это принято — рассказывать о предках самые невероятные истории.

— Вот в буденновке — отец, на курсах командиров. Это мать — она в то время на рабфаке географию преподавала.

Потом раздается смущенное хихиканье.

— Это я. А это моя благоверная. Не отличишь, а?

Действительно, изображенные на разных фотографиях абсолютно голые младенцы невероятно похожи. Впрочем, такие есть и в ваших альбомах.

— О-о! — умиляется хозяин. — Видите, какой я живчик был. Глаза так и сверлят. Счастливое время!

Но вот первые страницы пройдены. Дальше фото идут навалом.

— Все времени нет разложить! — вздыхает хозяйка. — Это вот я на школьном балу. Это мы с мужем на Кавказе. Это сынишка в детском саду... А это что за особа?

Хозяйка подозрительно рассматривает фото хорошенькой девушки.

Муж чувствует себя неуютно. Он тоже не может вспомнить. Читают надпись на обороте.

— Так это же твоя лучшая подруга! — возмущенно и вместе с тем с известным облегчением кричит муж. — Забыла! Лучшую подругу!

— Действительно! — говорит опечаленно жена. — Как же так? Склероз.

Интерес к альбому гаснет. Он снова засовывается в темный угол, немой свидетель семейной хроники.

Автору однажды исключительно повезло. Он забрел на огонек в гостеприимное семейство Коровиных в надежде посмотреть матч с канадцами по цветному телевизору, но телевизор неожиданно сломался, и гость был обречен на трехчасовое рассматривание семейного альбома Коровиных под монотонный голос хозяина, рассказывающего о себе почему-то в третьем лице.

ФОТОГРАФИЯ ПЕРВАЯ. БАБУШКА С ВНУКОМ.

Молодой отец Петр Коровин был беспредельно счастлив.

— Сын, хо-хо! Продолжатель рода! — рычал он, чмокая маленькое существо во всякие розовые места.

— Петя, не сломай чего-нибудь! — умиленно говорила жена.

— Слушай, давай назовем его покрасивее! — сказал Петр.

— Ванечкой, — предложила супруга, — Иван Петрович, звучит?

— Ну, что ты! — поморщился Петр. — В наш век культурной революции! Надо, чтобы романтично было. Вот, например, Солнце! А? Солнце Петрович! Звучит?

— Петенька! — охнула супруга. — Не сходи с ума.

Петр увял.

— Эх, не понимаешь ты ничего в поэзии.

На помощь пришла тетка Петра. Она сама за несколько лет до того из Маруси превратилась вдруг в Мадлен и разбиралась в иностранных именах.

— Назовите Ричардом. Ричард Львиное сердце!

— Так он же король был? — засомневался Петр.

— Да, но благородный. За бедняков стоял. С Робин Гудом дружил.

— Ну, что же, пусть будет Львиное сердце! — согласился отец. — У-ра Ричарду Коровину!

Сколько потом перетерпел бедный Ричард из-за своего красивого имени! Ну, скажем, как его прикажете называть ласкательно? Ричардик? Ричик? Чарлик? Совсем по-собачьи получается. Поэтому ласкательно его никто не называл, а всегда полностью — Ричард. Отец иногда еще Левою — производным от Львиного сердца. А мальчишки во дворе вообще дразнили «Чалдоном» либо «Коровой». И то и другое было обидно.

Впрочем, дошкольную пору Ричард провел в основном у бабушки в Малаховке, поскольку родители без конца пропадали в геологических партиях. Бабушка, чтобы не ранить лишний раз внука, называла его просто «Малюся». Тоже, конечно, не очень для будущего красного воина, но все-таки терпеть можно.

Бабушка Вера Платоновна была опытным педагогическим «волком». Начинала еще когда-то работать в трудовой колонии. Ричард воспитывался в спартанских условиях.

В тихом домике в Малаховке кипела бурная жизнь. Вставали в восемь утра. Делали обтирание сначала теплой, потом холодной водой. Час до завтрака занимались на участке физической работой. Потом завтрак (как правило, овсянка) и занятия русской словесностью, а также английским. Далее — игра на свежем воздухе до обеда (с ежечасной проверкой сухости рук и ног ребенка). После обеда — «мертвый» час, и снова на свежем воздухе до ужина. После ужина — чтение вслух сказок.

Приезжавшие из экспедиции родители убеждались, что Ричард здоровеев день ото дня, умеет читать и писать, свято блюдет правила хорошего тона. Вера Платоновна старалась не баловать внука.

Однажды она задержалась в школе, а Ричард — ему уже было пять, шестой — играл на улице с ребятами. Зимой рано начинается смеркаться, короче, вернулась бабушка затемно. Поглядела в буфет, а хлеба ни кусочка.

— Где хлеб? — спрашивает Ричарда.

— Там мало было, я и доел.

— Ну что ж, иди за хлебом.

— Ты что, бабушка, ведь темно!

А она непреклонно, с металлом в голосе:

— Когда ты ел хлеб, не подумал, что это последний и что бабушке тоже надо оставить? Это же махровый эгоизм! Собирайся и иди.

Конечно, у Веры Платоновны, глядевшей, как ее «Малюся» одевается, сердце от жалости сжималось. В глазах у внука слезы, сопит, но собирается. Бабушка сказала твердо, как будто ничего не случилось:

— Вот тебе сумка. Вот деньги. Купишь хлеба и чего-нибудь сладенького к ужину.

Только «Малюся» за порог, Вера Платоновна скорей за пальто. И вот идет за ним потихоньку. Темно, хоть глаз выколи, только сугробы поблескивают. Мелькает впереди кроличья шапочка. Так и проводила его до магазина. А как только увидела, что внук выходит собирается, бегом обратно, чтобы не заметил.

Входит он в дом, глазенки блестят. Сам доволен своей храбростью:

— Вот хлеб, а это банка с джемом.

И хоть джема у бабушки полно в кладовке и сдачу, конечно, внук потерял, но она была довольна: «Маленький человек подвиг

совершил». И можете быть уверены: с тех пор никогда он последний кусок не съест. И не потому, что боится наказания, а потому, что понял: человек живет не ради себя.

...Случилось так, что в Москву приехала вторая Ричардова бабушка — Ксения, весьма религиозная старушка. Приехала она с заветной целью — вставить себе новые зубы. Вставила в конце концов, но говорила поначалу очень невнятно. Заехала она и в Малаховку навестить внука. Вера Платоновна из деликатности ушла в сад и оставила их вдвоем.

Внук пристально рассматривал новую бабушку и решил завести светский разговор:

— Бабушка Ксения, понравилась вам Москва?

— Понравилась, батюшка, — кивает старушка.

— А где вы были?

— В церкви, батюшка!

Тут Ричард страшно оживился. Дело в том, что вместо «в церкви» ему явственно слышалось в «цирке».

— Ну, и как? Правда, здорово?

— Здорово, батюшка! Нарядно так все, торжественно.

— Ну, а много смеялась?

Баба Ксения подозрительно посмотрела на внука.

— Чему, батюшка, там смеяться?

— Как чему? Клоун, наверное, выступал?

— Какой клоун?

— Ну, какой! Карандаш, например.

Баба Ксения вконец расстроилась. Она поняла, что внук, хотя и умеет читать и писать, абсолютно неграмотен в богословии. И срочно решила восполнить этот пробел. К тому времени, когда деликатная малаховская бабушка вернулась в дом, Ричарда буквально распирало от полученной информации. Оказывается, в небе обитает бог, добренький старичок вроде деда Мороза, который выполнит любое твоё желание, если ты очень хорошо его попросишь. Вокруг бога летают архангелы. Это его подчиненные с мечами и трубами. И еще где-то за Марсом, где именно, старушка сказать затруднилась, есть волшебная страна, которая называется «Рай». А внизу, глубоко под землей, глубже, чем даже шахты, есть ад — очень горячее место, где живут черти. Если кто-то плохо себя ведет, они хватают, стаскивают к себе и жарят на большой сковородке или кипятят в баке из-под белья.

Баба Ксения быстренько ретировалась, а Ричард после углубленных размышлений решил все-таки проверить полученную информацию:

— Бабушка! А правда, что есть бог?

Вера Платоновна изумленно посмотрела на внука и ответила так, как подсказывал ей многолетний педагогический опыт:

— Это каждый должен решить сам для себя!

Не очень поняв, что бабушка имеет в виду, внук решил проверить существование бога эмпирическим путем, обратившись к нему с конкретной просьбой:

— Бог, бог, если ты есть, достань мне большую собаку!

Иметь собаку — это было заветное Ричардово желание. Но бабушка относилась к этому желанию резко отрицательно, поскольку в доме всегда жило много кошек. Не то чтобы бабушка была заядлой кошатницей, просто в конце каждого дачного сезона ей подбрасывали котят. Некоторых наиболее симпатичных бабушка энергичными уговорами устраивала у знакомых, тем не менее определенная часть, причем самых страшненьких, оставалась. Появление в доме собаки внесло бы изрядный переполох.

Ричард это хорошо понимал. В то же время он хорошо также понимал, что если уж собака окажется в доме, то никто ее оттуда не выгонит.

Еще до переговоров с господом-богом Ричард обратился с аналогичной просьбой к соседу — первокласснику Вадьке, который ответил:

— Гони пятерку, куплю тебе собаку на рынке.

Ричард принес Вадьке свою копилку, но в ней оказалось мелочи всего рубля на два.

— А дешевле нельзя? — с надеждой спросил Ричард, когда Вадька закончил многотрудные подсчеты.

— Нет, дешевле не отдадут! Так что копи еще три рубля, — твердо ответил Вадька, однако мелочь всю забрал, сказав короткое многозначительное слово: — Аванс! (Вадькин отец был маляром.)

И вот только Ричард обратился к богу, как буквально через час на тропинке в саду он обнаружил бумажку достоинством в три рубля. В другой ситуации Ричард сразу бы сообразил, что деньги потерял кто-то из посетителей бабушки. Но сейчас он твердо поверил, что это послание божие. Сжав в ручонке бумажку, Ричард стремглав бросился к Вадьке.

— Вот. Гони собаку! (Улица научила его твердому обращению.)

— Давай до завтра подождем, — заюлил Вадька, растративший накануне последнюю мелочь.

— Нет, гони!

— А не испугаешься? Собака-то здоровая.

— Нет, она — друг человека.

— Ну, тогда пошли.

Они долго плутали какими-то улочками, переулками, пока Вадька не подвел малыша к какой-то калитке.

— Вот иди прямо туда, только не оглядывайся.

Ричард, весь напрягшись, шагнул в калитку, а Вадька немедленно дал стрекача.

Вернулся Ричард домой примерно через полчаса, очень торжественный, держа за ошейник огромного дога. Дог тяжело дышал, вывалив язык, и иногда пытался лизнуть им Ричарда.

— Где ты нашел такое страшилище? — изумленно всплеснула руками бабушка.

— Мне Вадька купил. За пять рублей. Он сказал: иди туда. Я пошел. А Рекс там меня уже ждал. Замахал сразу хвостом.

Еще через полчаса, когда бабушка, смирившись с неизбежным, смотрела, как исчезает в огромной пасти второй десяток котлет, появился хозяин собаки, толстый мужчина с багровым лицом, ведя за ухо Вадьку.

— Грабеж, — хрипло сказал хозяин. — Я ведь за Лорда сто рублей отвалил.

Он прицепил поводок к ошейнику и увел упирающегося всеми лапами дога. Именно с тех пор Вера Платоновна стала подписывать внука на «Юного натуралиста».

— Чтоб любил животных, — объяснила она.

А ночью бабушка проснулась от тихих всхлипываний. Плакал Ричард.

— Что случилось? Тебе жалко собаку?

— Нет, то есть да! Собаку тоже!

— А что еще? Почему ты плачешь?

— Потому, что бога нет!

Тут только она узнала, насколько прочно религиозный дурман осел в головенке Ричарда. Пришлось срочно начать энергичную атеистическую пропаганду.

Внук прожил у бабушки до школы. Ей хотелось, чтобы он четыре класса закончил в местной школе, но неожиданно родители воспротивились: «Очень он серьезный у тебя стал. Как маленький старичок». Особенно когда он спросил: «Папа, а как ты думаешь, есть ли жизнь на Марсе?» От такого вопроса тот просто взбеленился. Хотя бабушка просто любила поговорить с внуком о науке.

Но внук крепко помнил бабушку. Вот, например, что он написал ей в первом классе. Пожелтевший листок бережно хранится в альбоме с фотографиями:

«Баба Вера! Живу я хорошо. Случайно написал стихи:

Я съел шоколадку,
И грустно мне стало:
Во рту очень сладко,
Но этого мало.

Дальше пока не придумал».

ФОТОГРАФИЯ ВТОРАЯ. В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ.

Ричард с первого класса носил очки. В основном именно это обстоятельство, а также слухи, что он пишет стихи, служили неоспоримым доводом во время выборов редколлегии стенной газеты. Сначала это была октябрятская «Звездочка». Требовать заметки с одноклассников Ричард не умел и стеснялся, а потому писал все сам — передовицу «За отличную учебу», очерк «Наши будни», уголок «Хочу все знать» и сатирические частушки «Кому что снится». Набор был всегда один и тот же, да и содержание особым разнообразием не отличалось, поскольку отличники так и оставались отличниками, а двоечники — двоечниками. В конце газеты Ричард всегда пририсовывал почтовый ящик и выводил призывное: «Пишите заметки в нашу газету».

Единственная, кто внимательно прочитывала газету, была классная руководительница. Поскольку грамматических ошибок не было, сделать замечание она не могла, но почему-то отводила глаза в сторону и вздыхала:

— Опять один все писал?

— Ага, — понуро соглашался Ричард.

Тем не менее, поскольку газета выходила каждую четверть, редакторский авторитет Ричарда потихоньку укреплялся. Со временем его избрали редактором отрядной пионерской газеты «Будь готов!», а в пятом классе — членом совета дружины школы и редактором газеты «Наша смена».

Не миновала Ричарда чаша сия и в пионерском лагере. Прицельно взглядевшись в лица ребят, стоящих стройной шеренгой на линейке, старший вожатый, Евгений, рыжеволосый гигант с красным галстуком на могучей шее, остановил свой строгий взор на очках Ричарда и провозгласил:

— Коровина предлагаю избрать редактором лагерной газеты «Лесная бэль».

Робкое бормотание Ричарда в расчет принято не было.

— Скромен. Это хорошо! — ответил на его слабые возражения старший вожатый. — Заодно будешь протоколы лагерного совета вести.

Нагрузка с газетой была не очень обременительной, поскольку выпустить ее планировали к пионерскому костру в конце смены, зато с протоколами оказалось посложней, так как лагерный совет заседал ежедневно, в «мертвый» час, и Ричард усердно заполнял листы бумаги частыми «слушали — постановили».

Вопросов набегало много, самых разнообразных, благодаря неукротимой энергии «товарища Евгения»: о работе санитарных

постов, проведении рейдов по борьбе с гусеницами и сорняками, подготовке лагерной самодеятельности.

Правда, скоро произошли события, направившие энергию старшего вожатого в несколько иную сторону.

Еще в первые дни в лагерь приехала журналистка, чтобы написать очерк о том, как интересно и увлекательно отдыхает юная смена. Старший пионервожатый отнесся к корреспондентке со всей душой. Он долго ее водил по отрядам, в клуб, показывал работу кружков и даже накормил обедом. Совершенно утратив бдительность, он охотно и много рассказывал о себе.

Через несколько дней в молодежной газете действительно появился очерк о пионерском лагере. Начинался он так: «Рыжий мальчик Женя очень любил пионерский лагерь, поэтому мечтал, что когда вырастет, обязательно станет пионервожатым. И мечта его сбылась...» Бурное веселье охватило весь лагерь. Мальчики и девочки с невинными рожицами подходили к багровому от ярости товарищу Евгению и осведомлялись, читал ли он замечательный очерк о лагере. «Там про вас очень хорошо написано».

Пытки на этом не кончились. Следующим утром, выйдя из своего домика, старший пионервожатый обнаружил на двери газетную вырезку с аккуратно подчеркнутыми словами: «Рыжий мальчик Женя»... Естественно, товарищ Евгений сорвал очерк и, топая от гнева ногами, разорвал его в мелкие клочки. На следующее утро вырезка появилась опять. Напрасно старший пионервожатый грозил страшными карами неведомым насмешникам. Каждое утро на двери висел очерк с подчеркнутыми словами: «Рыжий мальчик Женя...»

Товарищ Евгений не поленился даже съездить в редакцию газеты с требованием поместить опровержение. Но редактор почему-то очень смешливо отнесся ко всей этой истории и давать опровержение категорически отказался.

Товарищ Евгений осунулся, помрачнел и приобрел привычку каждые три секунды судорожно оглядываться назад. Наконец он решил пойти на крайнюю меру, устроив ночную засаду. Причем о своем коварном плане Евгений не сказал даже вожатым, поскольку и их он начал подозревать в заговоре.

Сразу после отбоя, пожелав всем спокойной ночи, старший пионервожатый ушел в свой домик. Здесь он, вспомнив Шерлока Холмса, быстренько соорудил из одеяла чучело и усадил его за стол, так, чтобы сквозь занавеску просматривался неопределенный силуэт. Затем, оставив свет ночника, он тихонько выбрался из домика и засел в кустарнике возле крыльца. Успешно бороться со сном помогло то обстоятельство, что кустарник неожиданно оказался крапивой. Стиснув зубы, Евгений потирал обожженные места. Жажда мщения разгоралась с каждым новым укусом крапивы.

Но, чу! Какая-то тень скользнула к двери домика. Подобно бенгальскому тигру, товарищ Евгений бесшумно прыгнул из засады и крепко-накрепко ухватил за воротник рубахи насмешника. Включив фонарик, пионервожатый обнаружил, что перед ним стоит не кто иной, как Василий Мурычев из второго отряда!

— Как я сразу не догадался! — хлопнул по лбу рукой с фонариком товарищ Евгений. — Конечно, на такое способен только Мурычев!

За прошедшие две недели смены этот долговязый, вечно ехидно улыбающийся подросток зарекомендовал себя с самой отрицательной стороны. Он очень мешал стройному воспитательному процессу, созданному товарищем Евгением. Задавал дурацкие вопросы на линейке, отлынивал от кружковой работы, не хотел спать во время «мертвого» часа и даже попытался удрать с прополки свеклы.

Наутро, перед завтраком, старший пионервожатый собрал экстренное заседание совета дружины. В кратких, энергичных выражениях обрисовал новое преступление Мурычева, товарищ Евгений сказал:

— Мы применяли к виновному целый ряд воспитательных мер: предупреждали, советовали, отчитывали перед строем и даже оставляли без компота. Остается последнее средство — применить к нему индивидуальный подход.

— Как это? — удивились члены совета.

— Кто-нибудь из вас должен взять над ним персональное шефство. Изучить его склонности, способности, если они есть, и использовать их в воспитательных целях. Кто возьмется?

Глядя на длинного Ваську, угрюмо потупившегося и сжимающего здоровые кулачищи, члены совета ежились и молчали.

— Ну, так кто смелый? — повторил старший пионервожатый.

Ричард, склонившийся над спасительным протоколом, внезапно почувствовал, что все смотрят на него.

— Не буду, — тихо, но твердо сказал Ричард. — У меня нет педагогических способностей.

— Зато есть интеллект, — ответил товарищ Евгений. — Ты его интеллектом задавишь.

— Так он меня побьет! — запаниковал Ричард.

— Пусть попробует, — угрожающе прорычал старший вожатый и красноречиво погрозил толстым пальцем. — Ну, нечего рассусоливать. Забирай его, Коровин, и перевоспитывай. Чтoб к завтрашнему дню он у нас как шелковый стал!

Они вместе вышли из красного уголка.

— Значит, так, — сказал Ричард, поправляя очки, чтобы скрыть робость. — До обеда мне некогда с тобой заниматься.

— Слава богу, — ехидно ответил Мурычев.

— А после «мертвого» часа, — будто не замечая ехидства подопечного, продолжал Ричард, — мы с тобой подумаем, чем заняться.

— Думай, думай,— процедил, глядя сверху вниз, Мурычев и, неожиданно оглушительно свистнув прямо в ухо Коровину, скрылся в неизвестном направлении.

Ричард, зябко передернув плечами, посмотрел ему вслед.

— Как найти к этому долговязому подход?

Шли часы, а Коровин так и не мог придумать никакого плана. После «мертвого» часа он заглянул в палату второго отряда. Мурычев лежал, упершись взглядом в потолок.

— Эй, Василий! — окликнул его Ричард. — Пошли потолкуем!

— Отвяжись, козявка! — процедил подопечный.

— Боишься? — воинственно заявил Ричард.

— Я?! — от изумления Мурычев даже подскочил на кровати. —

А ну, пойдем.

Они сели рядышком на скамейку, будто хорошие друзья. Ричард чувствовал, что у Мурычева чешутся руки, но вдали маячила мощная фигура старшего пионервожатого.

— Ну, чего ты злишься? — благодушно спросил Ричард.

— А чего ты привязался?

— Разве я по доброй воле? Но раз поручили...

Мурычев скрипнул зубами.

— Воспитатели на мою голову...

— Вась! Ты, по-моему, книжки любишь читать?

Мурычев с удивлением воззрился на своего воспитателя.

— С чего ты взял?

— Так вон сколько газет купил с очерком про нашего Евгения. А газета и книга, так сказать, в одном ряду... — Вообще, — Ричард хихикнул, — это ты здорово придумал, чтоб немного нашему Евгению спеси поубавить.

— Это не я, — неохотно признался Мурычев.

— Как не ты? А кого за шиворот поймали?

— Я только наклеивал. А придумал кое-кто другой.

— Кто?

— Так я тебе и сказал. Тайна!

— Ну, ладно. А книжки все-таки любишь читать?

— Вот привязался. Я уже все прочитал!

— Как все? Не может быть.

— Все. Про Шерлока Холмса. Про трех мушкетеров. Про всадника без головы. Зарубежный детектив.

— Разве это все?

— А что же еще?

— Ну, много всего. Толстой, например. Или Лермонтов.

— Это скучно. Про них в учебнике все написано.

— Так что же ты любишь?

— Рыбу ловить! — с вызовом ответил Мурычев.

— Рыбу? — озадачился Ричард. — Когда же тыловишь? Ведь на речку только строем водят.

— А я утром, до подъема. У меня и снасть припрятана. Знаешь, какая замечательная! Я тут чуть было леща не поймал. Вот такого!

— Ага, — соображал Ричард. — Значит, нам с тобой надо в биологический кружок идти.

— Зачем?

— Чтобы теорию знать.

Мурычев присвистнул:

— Ищи дурака.

— Не зная жизни рыб, как ты их ловить будешь?

— А что — в кружке про рыб изучают?

— Конечно.

Мурычев с сомнением посмотрел на очкастого воспитателя и нехотя согласился:

— Ну пошли.

Еще не доходя до клуба, где проходили занятия биологического кружка, они услышали отточенную дикцию педагога:

— Пока вы спали, я просмотрела ваши сочинения о лягушках. И надо сказать, что они меня огорчили ненаучным подходом к изучению этих земноводных. Вот Сева, например. С чего ты взял, что если убить лягушку, то обязательно пойдет дождь?

Члены кружка весело засмеялись.

— Не вижу повода для веселья, — недовольно сказала руководительница кружка, молодая, но строгая учительница. — Мы должны бороться с предрассудками. Вы к нам в кружок? — обернулась она к вошедшим. — Заходите. Сегодня мы будем изучать строение лягушки.

— Лягушки? — переспросил Мурычев и уничтожающе взглянул на Ричарда. — Не пойдет. Я думал, про рыб...

— Рыб мы будем изучать на следующем занятии.

— Ну, вот в следующий раз я и приду! — резко сказал Мурычев.

— Куда ты! — схватил его руку Ричард. — Про лягушек тоже полезно. Их, между прочим, как приманку для сомов используют.

— Иди ты, теоретик, — вырывая руку, сказал Мурычев. — Понимал бы чего в рыбалке!

— Я? — уязвленно воскликнул Ричард. — Да я больше тебя всегда поймаю.

— Три «ха-ха»! — надменно сказал Мурычев.

— Спорим!

— А если проспоришь?

— Больше ни разу к тебе не подойду. А если ты проиграешь, будешь ходить в кружок как миленький.

— Ну, смотри. Завтра же утром...

— А зачем до завтра откладывать? — неожиданно весело произнесла руководительница кружка, слушавшая их перепалку. — Идемте сейчас.

Она взглянула на часы.

— Скоро вечерний клев начнется, так что идем к реке. А все члены нашего кружка будут свидетелями. Будем считать, что это практическое занятие.

— Правильно! Пошли! — загомонили члены кружка.

Мурычев сбегал за припрятанной удочкой.

— А ты чем ловить будешь? — спросил он соперника, вернувшись.

— Дай мне кусок лески метра полтора и два крючка.

— И все?

— И все.

Мурычев снисходительно покачал головой. Он не ожидал, что победа достанется так легко.

— А приманку какую возьмешь?

— Кузнечиков наловлю.

Мурычев окончательно презирал соперника. У него был опарыш и распаренная овсянка.

Вся группа, весело гомонящая, спустилась к речке. Мурычев раздвинул удочку, ловко привязал к колечку леску и, заняв давно облюбованное место под ивой, замер, глядя на беленький поплавок.

Члены кружка, усевшись на высоком берегу, с интересом наблюдали за действиями Ричарда. Тот, не торопясь, срезал метровую палку и привязал к ней две короткие лески с крючками. Эта снасть вызвала бурю безудержного веселья. Некоторые аж корчились от смеха. Еще больше все начали смеяться, когда Ричард прямо в кедах вошел в воду.

— Рыбак! Ноги не замочи! — не выдержал и крикнул Мурычев, отвлечшись от поплавка.

Ричард невозмутимо сделал несколько шагов, пока вода не стала ему по пояс. Затем он повел себя еще более странно. Опустив удочку в воду и опершись на нее, как на тросточку, Ричард начал разгребать каменистое дно ногами. Неожиданно он с головой ухнул в воду. Видно, горе-рыбак оступился в яму.

Это был апофеоз. Хохотала даже строгая руководительница.

Ричард тут же вынырнул и снова трудолюбиво, как на велосипеде, задвигал ногами. Но вот он поднял палку. Все замерли от удивления. На каждом из крючков трепыхалось по серебряной рыбке. Сняв с крючка, Ричард бросил рыбок на берег, где их с криками подобрали члены кружка и опустили в стеклянную банку с водой.

Мурычев ревниво покосил глазом. У него пока не клевало.

Ричард вновь опустил палку и буквально через несколько секунд вновь извлек двух пескарей. А затем еще и еще. Иногда по-

падалась одна рыбка, но покрупнее. Однако чаще он вытаскивал сразу по две.

— Четырнадцать! — хором считали члены кружка. — Шестнадцать!

Мурычев явно занервничал. Его поплавок замер, как заколдованный. Наконец, в противоречии с рыбацкой этикой, он вышел из-под своей ивы и встал точно напротив Коровина. Однако и это не помогло. Ричард тем временем продолжал таскать пескарей.

— Двадцать восемь! Тридцать!

Под улюлюканье болельщиков Мурычев разделся и вошел в воду. Он встал плечом к плечу с соперником, но и это не помогло. Ричард едва успевал снимать с крючков рыбку за рыбкой, а у Мурычева ни разу и не клонуло.

— Сдаешься? — воинственно сверкнув очками, спросил Ричард.

— Сдаюсь. Только объясни, как у тебя получается, — умоляюще сказал подопечный.

— Ладно, — сжалился Ричард. — Лезь на берег, сделай такую же снасть, как у меня, и возвращайся.

Через две минуты Мурычев снова стоял рядом.

— Сделал? — спросил Ричард.

Тот молча кивнул.

— Втыкай палку в дно, чтоб водой не относило. А теперь гребни ногами. Сильней! Вытаскивай!

Теперь и у Мурычева на крючках блистали рыбки.

— Эге-гей! — закричал он неистово и бросил рыбок на берег. Члены кружка едва успевали собирать улов.

— Ребята, хватит. Вылезайте! — сказала наконец руководительница. — А то простудитесь!

— Пятьдесят три — пятнадцать! — подвели итог члены кружка.

Соперники сохли рядышком на берегу.

— Как же это у тебя получается? — спросил Мурычев.

— В прошлом году меня мальчишки в деревне научили! — объяснил Ричард. — Называется «ловить на мутиловку».

— А почему же рыба так клюет?

— Не догадался? Вот что значит теорию не знать, — назидательно сказал Коровин. — Очень просто: ногами поднимается муть со дна, а в ней всякие червячки. Вот рыба и подходит к самым ногам. Хватает все, что попадется. А ты сначала, хоть и стоял рядом, а удочка-то у тебя длинная, и крючок болтался там, где рыбы и в помине нет. Понял?

— Гляди, как просто! — рассмеялся Мурычев и нежно хлопнул тещедушного друга по спине.

Индивидуальный подход был найден.

ФОТОГРАФИЯ ТРЕТЬЯ. ТЕТЯ КАТЯ.

Ричарду исполнилось тринадцать лет.

— Надо подарить ему фотоаппарат,— сказал папа.— Фотография — дело серьезное, можно сказать, вторая профессия!

— Правильно,— поддержала мама.— Главное — безопасно, не то что футбол. Того и гляди ребенок ноги сломает.

Так Ричард стал обладателем роскошного фотоаппарата. В первый же воскресный день решили приступить к фотосъемке. Мама по этому случаю даже сбегала в парикмахерскую и сделала прическу.

Папа, углубленно изучив толстую книгу «25 уроков фотографии», сказал:

— Надо сначала зарядить аппарат пленкой, причем делается это в абсолютной темноте.

Ричард, взяв в руки пленку и ножницы, лег на пол. Его накрыли одеялом, папиным пальто и маминой шубой. Для верности папа сверху положил еще подушку.

— Теперь порядок!

Некоторое время куча на полу слегка шевелилась, затем послышался сдавленный крик. Родители заволновались.

— Ричард, ты чего? — спросила мама.

— А-а, и-и-и! — по-петушиному ответил Ричард.

— Наверное, у него пятка зачесалась,— глубокомысленно заметил папа.— У меня всегда, когда руки заняты, пятка чешется.

Мама встала на колени, нащупала под одеялом сыновью пятку и почесала ее. Однако крики только усилились.

Наконец из-под одеяла показался встрепанный красный Ричард.

— Кассету забыли! — сказал он плачущим голосом.

Действительно, кассета спокойно лежала на столе. Пришлось начинать все сначала. После долгих мучений приступили к съемкам.

В пленке тридцать шесть кадров. Это сколько же надо иметь фантазии, чтобы сделать столько снимков! Сначала Ричард сфотографировал папу и маму вместе, затем отдельно. Папа сфотографировал Ричарда. Что еще можно снять?

Ричард запечатлел на пленку кошку, затем телевизор, пошел сфотографировал соседку тетю Катю, весьма жеманную старушку, окончившую когда-то гимназию.

Потом он встал у окна и начал снимать прохожих. Кончилось это тем, что в дверь позвонил неприятный гражданин, который заявил, что съемки скрытой камерой запрещены без согласия снимаемого объекта, и потребовал засветить пленку. Только после полученной письменной расписки в том, что снимки не будут использованы для печати, посетитель удалился. Теперь надо было проявить пленку. Ричард стал разводить химикалии, а папа взялся занавешивать окно.

Он бодро вскочил на подоконник и в тот же миг, потеряв равновесие, судорожно ухватился за занавеску. Упавшая гардина одним концом стукнула папу, другим смела с подоконника цветочные горшки. Мама пошла принимать валерьянку.

Но папа не сдался. Снова взгромоздившись на подоконник, он стал прибавать одеяло. Первым же мощным ударом молотка попал себе по пальцу. С криком «А, черт!» отбросил молоток в сторону и тяжело спрыгнул с подоконника как раз на хвост прибежавшей полюбопытствовать кошке. Шумом заинтересовались даже соседи с пятого этажа.

Ричард решил перейти в ванную. Вот он наконец в полной темноте начал заряжать пленку в бачок.

В этот момент в коридоре слышались шаркающие шаги. Это вышла из своей комнаты тетя Катя. Обычно она первой гасила свет в местах общего пользования, ворча при этом на неэкономных соседей. Но желание получить свою фотокарточку победило на этот раз ее бережливость. Воркующим голоском она сказала:

— Ричард, ты чтой-то в потемках сидишь? Чай, не видать ничего!

Одновременно слышался сухой щелчок выключателя. Крича что-то не очень членораздельное, но очень громкое, Ричард руками попытался заслонить пленку от яркого света лампочки.

— Была бы честь предложена! — обидчиво заявила тетя Катя и, погасив свет, удалилась жаловаться на невоспитанность Ричарда его родителям.

— Лучше бы, пожалуй, Ричард играл в футбол! — вздохнула мама, собирая в совок керамические осколки.

Папа, пытавшийся в это время загладить свою вину перед кошкой путем скармливания ей колбасы, тоже вздохнул.

В дверях показался сияющий Ричард. В широко расставленных руках он держал мокрую пленку, которая пыталась свернуться и задушить его, как змея Лаокоона. Вся пленка была ровного, черного цвета, как лакированная. И только в одном месте что-то просвечивало. Единственный уцелевший снимок, изрядно поцарапанный и нерезкий, изображал злосчастную соседку.

Когда негатив просох, Ричард умудрился сделать с него отпечаток. Весьма туманная фотокарточка неожиданно понравилась тете Кате...

— Как живая, — сказала она. — И главное — морщин не видать!

ФОТОГРАФИЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТРЯДНЫЕ ВОЖАТЫЕ.

Ричард Коровин вышел из широко распахнутых в жизнь дверей школы именно в тот момент, когда вопрос о политехнизации ее лишь дискутировался на страницах газет. Естественно, что его практические

познания относительно вбивания гвоздя в стену и смены электропробок равнялись нулю. Занятия в финансовом институте ничего в этом смысле не прибавили.

В этом Ричард откровенно признался на комсомольском собрании своей студенческой группы, категорически отказавшись идти в школу отрядным пионервожатым.

— Чему я могу научить наших славных ребят? Что они вынесут из общения со мной? — так закончил он свое скромное выступление.

Но комсорг Люся и не думала сдаваться.

— Ричард! — сказала она укоризненно. — Ведь в нашей комсомольской организации ребят мало. А ты все-таки староста. Раз уж пришла разнарядка из райкома комсомола, придется тебе идти.

И, видя бурное отчаяние на его лице, холодно добавила:

— Может быть, ты хочешь отказаться от комсомольского поручения?

Так Ричард стал вожатым. Чувство, с которым он входил в класс, не поддавалось описанию. Здесь были и волнение и просто страх: хотелось бежать без оглядки.

Старшая вожатая выпалила без точек:

— Это ваш новый вожатый, зовут его Ричард, прошу любить и жаловать, мне надо бежать, там у нас летучка, до свидания! — и стремглав вылетела за дверь.

Ричард остался наедине с тридцатью парами глаз.

— Какой худой! — хихикнули сзади.

— Это шестой! — флегматично сказал мальчишка на первой парте своему соседу.

— Что шестой? — робко осведомился Ричард.

— Шестой вожатый за два месяца! Бегут все. Вы, наверное, тоже убежите?

— Не убегайте, дядя! — просительно дернув Ричарда за рукав, сказала трогательное существо с косичками. — Нам уже неудобно перед другими отрядами...

— Видите ли, ребята, — Ричард смущенно поправил очки, — надо прямо сказать...

И честно повторил все, что уже говорил на комсомольском собрании.

Ребята слушали его затаив дыхание и казались очень взволнованными.

Неожиданно вскочил председатель совета отряда Юрка Чурочкин.

— Ребята, мы должны помочь товарищу Ричарду. Это как раз то дело, о котором мы мечтали. Возьмемся?

Всех охватил небывалый энтузиазм. Летели вверх учебники и портфели, галдеж стоял страшный.

А Юрка командовал дальше:

— Женька! Ты лучший спортсмен в отряде, подтяни товарища Ричарда по физкультуре.

Женька довольно скептически посмотрел на фигуру вожатого и сказал:

— Ладно, попробуем! Только дисциплина будет железная!

— Петя Смирнов и Таня Чижова! — продолжал Юрка. — Вы отвечаете за обучение по труду! Ну, а я сделаю из него настоящего электромонтера.

Составление расписания занятий с Ричардом заняло еще полчаса. Так закончился первый отрядный сбор.

На следующее утро в половине восьмого его разбудил звонок. Это был Женька со спортивной сумкой.

— Ну что ж, начнем с утренней гимнастики! — бодро начал он. — Снимите пижаму, включите радио.

К завтраку пришла Аллочка, та самая девочка с косичками, которая уговаривала Ричарда остаться. От нее он получил теоретические сведения по физике.

Но больше всего Ричарду досталось, когда он вернулся вечером из института. Не успел он войти в квартиру, как — б-бах! — погас свет и из угла послышался вредный голос Юрки:

— Начнем наши практические занятия. Прошу устранить аварию в электросети.

Пробки Ричард поменял всего часа за два. Когда снова в комнате стало светло, на полу Ричард обнаружил разобранный на части стул. Его предстояло отремонтировать.

Потом наступил «тихий» час, во время которого под руководством двух девочек Ричард начал вышивать крестиком популярную картину «Утро в сосновом лесу».

В воскресенье они всем отрядом двинулись в поход. Ричард глубоко ошибался, думая, что это будет увеселительная прогулка. После большой игры в «Казачьи-разбойники» ему пришлось учиться отличать съедобные грибы от несъедобных.

Постепенно, преодолевая большие трудности, Ричард овладевал умениями и навыками пионеров второй ступени.

Конец года был поистине триумфальным для всего отряда.

Во-первых, Ричард завоевал общее четвертое место в пионерском четырехборье. Во-вторых, табуретка, сделанная им, получила пятерку у учителя труда. В-третьих, полотно «Утро в сосновом лесу» удостоилось чести экспонироваться на школьной выставке. Правда, и здесь не обошлось без ребячьего ехидства: под картиной стояла подпись: «Ричард Коровин, шестой класс».

...Одним словом, после этого Ричард горячо советовал всем своим друзьям и знакомым:

— Идите в вожатые! Не пожалеете!

ФОТОГРАФИЯ ПЯТАЯ. ПАРОВОЗ.

Молодой специалист Коровин любил бывать в заводском комитете комсомола. Всегда здесьлюдно и весело. Вот и сейчас, шагая в обеденный перерыв к двухэтажному зданию, где размещались общественные организации, он издали услышал взрыв хохота.

— Во дают! — усмехнулся Ричард, ускоряя шаги.

Не успел он переступить порог большой светлой комнаты с плакатами по стенам и длинным столом посредине, как раздался возгласы:

— Коровин! Черт! Совсем забыл! Зазнался? Давай твою лапу!

Ричард вертелся, кому-то жал руку, кого-то хлопал по плечу, а одну девушку даже звонко чмокнул в розовую щечку.

— Что это вы так смеялись? — спросил он.

— Да, понимаешь, — ответил секретарь комитета Юрий, высокий светловолосый парень в полосатой рубашке. — Принимали мы вчера на комитете в комсомол. Входит девушка одна, вроде тихая, а в глазах бесенята. Я и спрашиваю ее: расскажите, что знаете о заводе. Молчит, видно, растерялась. Ждала, наверное, что про Устав будут спрашивать, а тут на тебе. А Галка, она всех жалеет, стала ей наводящие вопросы задавать.

— Что мы выпускаем?

Девушка несколько приободрилась: карбюраторы, говорит, для машин.

— Ну, а сколько лет заводу? — спрашивает Вася.

Она опять замолчала, и Галя бросилась ей на выручку.

— Какой, — спрашивает, — плакат над проходными висит? Что на нем написано?

Будущая комсомолка оживилась и сама спрашивает:

— А над какой проходной плакат висит?

Галя еще не понимает и отвечает:

— Над первой!

Тут девушка с торжеством и выпаливает:

— А я через вторую проходную всегда хожу. Мне здесь ближе.

Снова все засмеялись. Ричард спросил:

— Ну и как вы решили? Приняли ее?

— Приняли, конечно! За находчивость. Но наказ строгий дали: историю своего завода знать!

— Слушай, Ричард,— сказал Юрий, отзывая Коровина в сторону.— Дело есть!

— Давай излагай!

— Мы решили тебя как будущего выдающегося финансиста членом «Комсомольского прожектора» сделать. Не возражаешь?

— Если надо,— согласился Ричард.— А что делать?

— Будешь у нас отвечать за экономию и бережливость. А если конкретно — сегодня вечером рейд по чистоте территории. Собираемся здесь после работы. По рукам?

Когда Ричард, Юрий и другие члены бригады пришли на задний двор, в железнодорожном тупике они наткнулись на огромную кучу хлама: какие-то доски, куски фанеры, пустые бочки. Быстренько мобилизовали еще с десяток ребят и стали разбирать кучу. Вдруг кто-то обнаружил, что под всем этим хламом стоит паровозик. Грязный, ржавый и вообще дореволюционный какой-то.

Недолго посоветовавшись, по предложению Ричарда решили сдать его на металлолом. Сбежали, уговорили комсорга транспортного цеха, благо тот сам машинист. Подогнал он тепловоз, подцепил паровозик и с завода по путям прямо на товарную станцию. Ричард и Юрий гордо пришли к начальнику вторчермета:

— Примите металлолом!

Они уже прикинули, что паровоз позволит сразу не меньше как два годовых плана по сдаче металлолома выполнить. Это же сколько спортинвентаря купить можно!

А начальник вторчермета, вместо того чтобы радоваться, вдруг заупрямился:

— Как я эту бандуру взвешивать буду? У меня таких весов нет.

Юрий великодушно разрешил:

— Определяйте на глазок! Тонну больше, тонну меньше — какая разница!

Но тот ни в какую:

— Что я вам — Архимед, на глазок мерить? Вы мне, будьте любезны, разрежьте по кусочкам, а потом и сдавайте.

Ребята почувствовали, что дело плохо. Но тут Ричарда осынило.

— Мы,— говорит,— вам документ принесем, сколько он весит. Пусть пока паровозик у вас постоит.

— Ну, если документ,— отвечает начальник,— тогда, конечно, другое дело. А постоять, пусть стоит, если недолго.

Записал Ричард марку паровоза и утром к начальнику транспортного цеха прибежал:

— Иван Порфирьевич! У вас, как у ветерана железнодорожного транспорта, на все паровозы, наверное, технические данные есть?

Он, польщенный, заулыбался.

— Это,— говорит,— вы в самую точку попали. Какой паровоз вам нужен?

И лезет в шкафчик, где у него вся документация лежит. Ричард назвал марку, тот разыскал нужную карточку и сказал с торжеством:

— Вот он! А зачем вам понадобились сведения?

Ричард возьми и бахни:

— Да нашли мы тут на заднем дворе в хламe такой паровозик и на металлолом сдали.

Тут Иван Порфирьевич схватился за сердце:

— Разбойники! Это же мой паровоз, запасной, маневровый!

И ни слова больше не говоря, бросился к директору.

Скандал получился страшный. Еле обратно паровозик вызволили. Ивану Порфирьевичу директор выговор по заводу объявил за бесхозяйственность. Ну, и прожектористам нагорело, долго они еще тот паровозик вспоминали.

ФОТОГРАФИЯ ШЕСТАЯ. НА СТАДИОНЕ.

Любовь зла. Она сражает вас обычно в самый неподходящий момент и в самой неподходящей обстановке... Ричард был поражен стрелой Амура в кинотеатре. На экране бушевали страсти, назревал конфликт, но он смотрел не на экран, а на очаровательную соседку слева. Увы, соседка не обращала на него никакого внимания. Она глаз не могла оторвать от киногероя — черноволосого верзилы, игравшего прославленного хоккеиста. Ричард почувствовал болезненный укол самолюбия.

— Подумаешь,— сказал он громко,— ничего особенного. Я, например, этот финт лучше выполняю!

Слова возымели мгновенное действие. Соседка обернулась и наградила Ричарда ослепительной улыбкой.

— Что вы говорите!

Сзади зашикали, но Ричард, чувствуя, что надо ковать железо, пока горячо, нагнулся и прошептал:

— Я ведь тоже центральный нападающий!

Из кинотеатра они вышли вместе. По дороге домой выяснилось, что работает Рита (так звали девушку) по соседству с заводом, в райстатуправлении, и они только случайно не встретились раньше.

На следующий день молодые люди уже не случайно встретились в обеденный перерыв, чтобы вместе перекусить.

— Ты как сегодня, в форме? — спросила Рита.

— Конечно! — радостно ответил Ричард, предчувствуя, что девушка хочет вновь посетить кинотеатр.

— Значит, будешь играть?

— Во что? — удивился Ричард.

— Как во что? В хоккей! Вон афиша.

Ричард обернулся и действительно увидел у заводских ворот красочную афишу. На ней аляповато был изображен атакующий хоккеист, а ниже крупными буквами написано: «Сегодня на стадионе очередной матч на первенство».

Чтобы понять весь ужас положения Ричарда, надо знать, что никогда за всю свою недолгую жизнь он не играл ни в какие спортивные игры, за исключением шахмат.

Но как сказать об этом, когда на тебя с обожанием глядят ясные девичьи очи? Ричард лишь пробормотал:

— Ах да, я и забыл. Играю, конечно.

— Я пиду за тебя поболеть, — шепнула Рита и умчалась, оставив Ричарда в состоянии, близком к столбняку.

У стадиона, куда он пришел в задумчивости, его вдруг потряс мощный удар по плечу.

— Юрка! — приседая, воскликнул Ричард.

Это был действительно здоровый Юрка, секретарь комитета комсомола и капитан сборной.

— Юрка, ты мне друг?

— Ну!

— Снимай форму, я за тебя буду играть в сегодняшнем матче.

— Ты что, сдурел? Если бы хоть раз на тренировку пришел! Ведь я тебя звал. Ты, небось, и правил-то не знаешь.

— Правила как раз знаю, по телевизору видел. А вот кататься на коньках пробовал только в далеком детстве. Но надо, понимаешь?

Юрка с сомнением покачал головой, но Ричард смотрел столь умоляюще, что друг сказал:

— Ладно, включим тебя в запасные.

Когда Ричард надел наконец многочисленные доспехи, из длинного, худого, сутуловатого юноши в очках он превратился в былинного богатыря.

Широко расставляя ноги, он осторожно протопал в составе команды к центру ледяного поля.

— Какой-то новенький, — встревоженно шепнул тренеру капитан команды противника.

— Темная лошадка, — процедил сквозь зубы тренер.

— Рагулина из ЦСКА переманили! — восторженно воскликнул кто-то из болельщиков.

После обмена приветствиями Ричард облегченно опустился на скамейку запасных.

Он снова попал на лед в разгар схватки. Сделав несколько взмахов руками и ногами, шлепнулся на катившуюся мимо шайбу.

— Под шайбу ложится! Ай да новичок! — загомонили болельщики.

Пока судья разыгрывал вбрасывание, Ричард, кое-как поднявшись, тяжело перевалился через борт, тоскливо думая, что, пожалуй, снова надо будет выходить на лед. Когда через несколько минут тренер шлепнул его по плечу, у Ричарда созрел тактический план действий.

Он твердо уперся клюшкой в лед и, получив таким образом дополнительную опору, медленно, но довольно уверенно двинулся к воротам противника. Вдохновленная его наступательным порывом, вся команда бросилась вперед.

Тяжелая шайба, посланная издалека, со свистом ударилась о клюшку Ричарда и срикошетила в угол ворот.

На трибуне стоял невообразимый шум. Но Ричард ничего не слышал, потому что затратил чудовищные усилия на то, чтобы восстановить равновесие.

— Он становится опасен, — шепнул тренер команды противника.

— Понятно, — качнул головой капитан и, как коршун, налетел на Ричарда. Тот, гремя доспехами, вылетел далеко за борт.

Очнулся он на скамейке в раздевалке. Над ним склонилась Рита.

— Милый, это я во всем виновата! Но больше на лед ты не выйдешь.

— Что ты, Рита! — простонал дебютант. — Обязательно выйду. Это такой замечательный спорт!

ФОТОГРАФИЯ СЕДЬМАЯ. МОЛОДОЖЕНЫ.

Их бракосочетание состоялось первого сентября. Они шли, тесно прижавшись друг к другу, по золотистой аллее, а навстречу им то и дело попадались шустрые школьники с букетами астр.

— И у нас когда-нибудь будет такой! — шепнула Рита смущенно.

— Такие! — поправил Ричард.

Молодая жена потупилась. Они остановились у молодежного общежития гостиничного типа.

— Прошу! — сделав гостеприимный жест, сказал молодой муж. — В нашей квартире три квартирoсьемщика. В тесноте, да не в обиде.

В комнату он внес ее на руках. Из вещей здесь пока обретались тахта, купленная накануне, и казенный стол.

— Зато просторно! — гордо сказал Ричард. — Без вещей жить легче! Правда?

— Конечно! — согласилась Рита и немедленно стала сооружать занавески из простыней.

Через полчаса пришли гости. Комитет комсомола почти в полном составе. Сразу стало шумно и весело. Ушли гости за полночь, оставив посреди комнаты громоздкий подарок — стиральную машину.

Утром, едва Рита успела переступить порог райстатуправления и еще не успела принять кучу поздравлений и советов, как раздался телефонный звонок.

— Рита, тебя муж спрашивает! — громко крикнула одна из сотрудниц.

— Ну, как ты добралась? — услышала она бодрый голос Ричарда. — Нормально? Я уже по тебе соскучился. Что новенького?

— Ты мешаешь работать, — тихо ответила Рита.

— Да? Смотри, какие у вас строгости! — удивился Ричард. — Ну, ладно, я еще через полчаса позвоню.

— Зачем?

— Как зачем? Поговорим.

Он действительно позвонил ровно через полчаса. Розовея от смущения, Рита должна была немедленно ответить, любит ли она его и как сильно. Еще через полчаса Ричард позвонил и рассказал свежий анекдот.

Производительность труда в отделе резко снизилась, поскольку женщины, естественно, не могли не прислушиваться к Ритиным разговорам.

— Вот это любовь! — поочередно вздыхали сотрудницы. — Человек все время о своей жене думает! Не то что наши злыдни...

По окончании трудового дня Ричард встретил супругу у порога ее конторы.

— Я все продумал! — сказал он возбужденно. — Сейчас бежим в кино, а потом быстренько на танцы! Идет?

На следующий день начальница отдела уступила Рите свой стол, на котором стоял телефон, чтобы той не бегать через всю комнату. Ричард был неистощим. Он сообщал последние международные и внутренние спортивные новости, комментировал прогноз погоды, подключал Ритин отдел к решению кроссвордов, а в заключение каждый раз осведомлялся, любит ли она его.

— Люблю! — громко, уже не стесняясь сотрудниц, отвечала жена. — Только отстань, у нас отчет на носу.

Ричард страшно обижался, впрочем, ненадолго. Через полчаса раздавался очередной звонок.

Так прошла одна неделя, другая. Но однажды... Прошел первый час рабочего дня, второй, а звонка от Ричарда почему-то не было. Обстановка в отделе накалялась.

— Может, случилось чего? — участливо спрашивали сотрудницы. — Не заболел ли?

— Да нет, утром был веселый и здоровый, — отвечала Рита.

Телефон молчал. Наконец Рита решила и набрала его телефон.

— Вам кого? — спросил неприятный женский голос.

— Коровина, пожалуйста.

— Нет его!

— А когда будет?

— Не знаю! Наверное, совсем не будет.

— Как так?

— А так! У нас всех мужчин на дощечки бросили.

— Куда бросили?

В ответ посылались частые гудки. Рита положила голову на стол и разрыдалась.

— Вот она, нынешняя молодежь! — не без злорадства сказала бестактная Мария Филипповна. — Поматросил и бросил.

Рита разрыдалась еще пуще, а все остальные сотрудницы бросились ее утешать. Однако Ричард все же позвонил во второй половине дня. Голос его еле пробивался через какие-то гулкие удары.

— Рита! — кричал Ричард. — Я из цеха звоню.

— Почему раньше не позвонил? — обидчиво спросила жена. — Я вся изнервничалась!

— Мы здесь дощечки сколачиваем. Для упаковки продукции. Понятно?

— Ты же бухгалтер! Какие дощечки?

— Дома объясню! Извини, некогда, дальше колотить надо!

Домой Ричард пришел затемно, мрачный, со свежей царапиной на щеке. Кое-как поел и со стоном плюхнулся на диван.

— Что все это значит? — сурово спросила Рита. — Ты можешь объяснить?

— Не до разговоров мне, лапочка. Устал как собака! — произнес Ричард и вдруг захрапел.

Утром, со стоном разгибая спину, Ричард объяснил, что квартальный план летит, поэтому все ИТР брошены на производство. Кто умеет — того к станку, кто не умеет — на дощечки, сколачивать ящики. Сколько все это продлится, никто не знает.

Напрасно в этот вечер Рита ждала супруга, чтобы пойти на концерт знаменитого певца. Так и отправилась одна, продав лишний билет случайному прохожему. Ричард появился лишь поздно ночью и сразу плюхнулся в постель. Ночью его правая рука то и дело принималась отчаянно колотить подушку. Рита ушла спать на раскладушку.

А еще через несколько дней Ричард не пришел совсем.

— Все ясно, — сказала сама себе Рита. — Нашел другую.

Сделав каменное лицо, она быстренько собрала все свои вещи и перебралась к подруге.

Жизнь в отделе стабилизировалась. Начальница снова села за свой стол. Сотрудницы деликатно избегали разговоров о мужчинах.

Первого октября, не успела Рита переступить порог, раздался телефонный звонок.

— Тебя! — сказала начальница. — Видать, очухался.

— Риточка! Мы план выполнили! — услышала она ликующий голос мужа. — Правда, последнее время пришлось прямо в цехе спать, но ничего! Теперь отдохнем! Ты новый анекдот слыхала?

Они, конечно, помирились. Но Рита все-таки написала письмо в завком. Оно заканчивалось словами: «Штурмовщина серьезно мешает семейному счастью!»

ФОТОГРАФИЯ ВОСЬМАЯ. НОВОСЕЛЬЕ.

Ричарду Петровичу дали ордер на новую кооперативную квартиру. Можно было представить его радость: прыгал он так, что пол в бухгалтерии грозил провалиться.

Все сослуживцы крепко пожимали ему руку и наперебой спрашивали:

— Когда на новоселье пригласишь?

— Вот погодите, въеду, огляжусь и обязательно приглашу.

Всеобщую радость не разделяла лишь Эльвира Прокофьевна. Как-то загадочно улынувшись, она сказала:

— Погоди, рано прыгаешь, еще плакать будешь!

Но Ричард не обратил внимания на ее слова. Эльвира Прокофьевна — вообще человек желчный, что с нее взять!

Пока Коровины увязывали многочисленные узлы, вытаскивали мебель из старой квартиры, искали машину, незаметно подкрались ранние осенние сумерки.

Новый дом встретил их ярко освещенными окнами. Из чьей-то квартиры лились разудалые звуки гармошки и нестройное пение. В потемках (на лестничной клетке еще не было лампочек) Коровины добрались до своей квартиры.

— Да будет свет! — весело воскликнул Ричард и щелкнул выключателем.

Но, увы, свет не зажегся. Впрочем, воды и газа тоже не было.

— Все не как у людей! — прошипела рассерженная жена.

— Сейчас, сейчас исправим! — бодро ответил Ричард и полез искать спички. Только вот в какой узел он их засунул? Прошло с полчаса в лихорадочных поисках. Наконец спички были найдены (они оказались в кармане его пальто). Дрожащее, неровное пламя осветило странную картину: прямо из стены независимо друг от друга торчали два провода. Осторожно, одним пальцем, чтоб не ударило током, Ричард соединил их.

Раздавшийся за стеной дружный крик «Свет погас!» пробудил в нем смутное чувство вины. Кажется, получилось короткое замыкание во всем подъезде.

Ложились Коровины спать на ощупь. Утром Ричарда Петровича разбудил крик сына:

— Вода, вода!

Он опрометью бросился к крану.

— Да куда ты, папка! Не здесь вода, а вон где! — Палец сына указывал на потолок.

Действительно, с потолка сначала капало, а через несколько минут побежал веселый, журчащий ручеек. Под отчаянный крик жены «Что же ты стоишь!» Ричард Петрович бросился на верхний этаж. Оказывается, пущенная вода прорвала трубу. Оттолкнув рвавшего на себе волосы соседа, Ричард Петрович грудью мужественно попытался закрыть щель. Спас его пришедший по вызову слесарь. Он же преподавал первые уроки сантехники.

Дома Ричарда Петровича ждал серьезный разговор с женой.

— Надо побелить потолок в ванной! — категорическим тоном сказала она. — Погляди, вся побелка отвалилась!

— Лапочка, я же не умею, — робко возразил Ричард.

— А что ты вообще умеешь? — истерически крикнула жена и ушла в спальню, громко хлопнув дверью.

Впрочем, об этом ей немедленно пришлось пожалеть. От удара дверная коробка неожиданно осела, и дверь больше не открывалась. Пришлось хозяину взяться за топор...

Вечером после работы он зашел на новостройку.

— Ребята! — сказал Ричард Петрович строителям. — Научите меня малярным, штукатурным, столярным работам, а также сантехнике и электроделу.

— Только и всего? — засмеялись ребята. Однако они народ добрый: взялись за его обучение.

Через месяц Ричард Петрович сам довольно сносно отремонтировал свою квартиру и смог на новоселье пригласить своих сослуживцев. Здесь-то его строительные таланты развернулись вовсю.

Когда гости пошли плясать цыганочку, от сильного сотрясения отвалился угол в гостиной.

— Не волнуйтесь! — сказал Ричард Петрович растерявшимся гостям. — Все сейчас будет сделано.

И, мгновенно приготовив раствор, он достал сокол и мастерок, и через каких-то пятнадцать минут угол сверкал новенькой штукатуркой.

К нему подошла Эльвира Прокофьевна и крепко пожала руку:

— Ну, ты вообще! Никак уж не ожидала, что из тебя получится толк!

ФОТОГРАФИЯ ДЕВЯТАЯ. СЫН.

Только потом Ричард Петрович понял, что все это было подстроено нарочно. Но в тот момент, уютно устроившись в кресле с книжкой «Учись делать сам», он ничего не подозревал.

— Я в магазин схожу. А ты уж посиди, пожалуйста, за Костином, — с самым наивным видом сказала жена.

— Ладно, — буркнул Ричард Петрович, вдумчиво разглядывая рисунок полочки для обуви.

Поэтому он не сразу обратил внимание, что кто-то усиленно дергает за ногу. Это был четырехлетний Костик, его сын, бойкий голубоглазый карапуз.

Пожалуй, впервые они остались вот так, с глазу на глаз. До этого отцовские обязанности Ричарда Петровича в основном заключались в покупке сыну конфет. Да еще он носил сына во время демонстрации на своих плечах.

— Папа! — сказал Костик.

— Да, сынок, — как можно благодушнее ответил отец.

— Почитай мне!

С легким вздохом Ричард Петрович отложил «Учись делать сам» и сказал:

— Ну, что же, давай читаем.

Через секунду сын уже был у него на коленях.

— Так-с, «Дядя Степа». Написал книжечку дядя Михалков.

— Я эту книжку знаю! — решительно заявил Костик. — Давай лучше сказку.

— «У лукоморья дуб зеленый...» — машинально забубнил Ричард Петрович.

— Это старая, — решительно возразил Костик. — Давай новую, такую, чтоб я не знал.

— Новую? Где же я тебе возьму новую?

— Эх, ты! А вот наша воспитательница в саду умеет новые сказки сочинять.

— Про что, например?

— Про Ловчила.

— Ловчила? Кто это?

— Это такой дядя был.

— Плохой?

— Нет, он был хороший, только работать не хотел.

— Лодырь?

— Нет, ну просто Ловчила! Ходил, ходил он по белу свету, все искал, где жить лучше, и попал однажды в страну прыгунов.

— Каких прыгунов?

— Обыкновенных. Там все очень любили прыгать. У нас только дети, а там и взрослые тоже. — Костя хихикнул. — Даже бабушки. Это у них вместо танцев. Возьмутся за руки всей семьей да еще соседей пригласят и так давай прыгать — пыль столбом!

— Интересно, — кивнул головой Ричард Петрович.

— Еще как весело! — убежденно сказал Костик. — Вот Ловчила к ним и попал. А в той стране обычай был: царь свою царевну замуж выдавал только за самого прыгучего. Только Ловчила пришел в эту страну, как видит — все парни ко дворцу собираются. Ловчила думает: «А почему бы и мне не жениться? Работать не надо, если полцарства за царевну дадут!» Но прыгать-то он совсем не умеет. Куда ему за прыгунами угнаться, если они, как кузнечики, метров на пять в высоту прыгают! Но ведь на то он и Ловчила! Думал-думал и придумал.

Ночью, когда стало совсем темно и все прыгуны спали, он тихонько пробрался в кузницу, отковал себе большущие пружины и приколотил к своим ботинкам. Понимаешь?

— Догадываюсь, — усмехнулся Ричард Петрович. — Чтобы прыгать?

— Ну, конечно! Только, чтобы не начать прыгать до соревнований, он их закрепил защелками. Понимаешь?

— Ясно. А что было дальше?

— Утром все неженатые прыгуны отправились ко дворцу и с ними Ловчила. Идет, еле ковыляет, пружины, хоть и на защелках, но все равно мешают. Пришли, встали все в ряд на большой поляне перед дворцом, ждут команды. Правда, судьи не хотели Ловчилу к соревнованиям допускать.

— Почему?

— Уж очень на жениха не похож — лохматый какой-то и вообще

ноги тонкие. Но не на того напали. Он сразу начал кричать, что не имеют права, что он тоже неженатый и вообще три года тренировался. Тут король с принцессой вышли, на трон сели. Поинтересовался король, что там за крик, посомневался малость, но потом решил Ловчила допустить: не хотел дипломатического скандала на все королевство. Тем более видит: действительно, у того мускулы жидковатые, так что все равно не видать ему невесты как своих ушей.

И вот главный судья выстрелил из пушки, и все женихи разом прыгнули. Только Ловчила задержался — он свои защелки никак отшпилить не мог. Все засмеялись, но по правилам надо три раза прыгать. Раздался второй выстрел — тут уже Ловчила подпрыгнул, но невысоко, всего на метр. Опять все захохотали. В это время Ловчила приземлился и, не дожидаясь третьего выстрела, как подлетит! Сразу выше всех. Все — и король, и принцесса, и судьи — прямо онемели. А Ловчила только коснулся земли, опять взлетел метров на десять. Все начали хлопать, кричать: «Да здравствует новый принц!» Но Ловчила опять приземлился и опять в воздух — выше деревьев.

Ему судья соревнований флагом машет:

— Достаточно. Вы победили, идите принцессе ручку целовать.

А Ловчила сверху плаксиво отвечает:

— Не могу я остановиться! Мне пружины мешают.

Все как зашумят:

— Жулик! Это не по-спортивному! На мыло!

Кинулась стража, чтобы схватить его в тюрьму. Но не успели стражники: снова Ловчила вверх полетел и уже так далеко, что за облаками скрылся — только его и видели!

— Улетел? — недоверчиво спросил Ричард Петрович. — Куда же?

— Не догадываешься? — хитровато поглядел на него Костик. — Это же ведь очень просто!

— Ну?

— Земля наша вертится, так?

— Так!

— Так пока Ловчила вверх летел, она повернулась. И приземлился он уже за лесом, в болоте. Это его счастье, кстати. А то до сих пор бы все прыгал. Кое-как выбрался из тины, открутил скорее свои пружины и дальше побрел. Но его ни чуточку не жалко. Правда?

— Правда, — уныло согласился Ричард Петрович.

— А теперь давай играть, — решительно заявил сын.

— А во что мы будем играть?

— Ты будешь сынок, а я папа!

— Ну, что же, — сказал отец неопределенно.

— Иди в детский сад! — скомандовал Костик. — Да куда ты? Вот сюда, под стол.

С легким кряхтением тот влез под стол.

— А я пошел на работу! — продолжал Костик. Мигом он залез на письменный стол и... опрокинул бутылочку с чернилами на деловые бумаги.

— Ты что делаешь! — не своим голосом закричал Ричард Петрович и второпях стукнулся головой о перекладину. Не успел он дотянуться до заветного Костиного места, по которому шлепают, как тот уже ревел басом, заглушая уличный шум.

— Перестань сейчас же! Сам виноват, — старался Ричард Петрович перекричать сына, но это было делом нелегким. С каждой новой Костиной руладой отец все больше осознавал виноватым себя.

— Ну, ладно, перестань! Давай играть!

Сын мгновенно замолчал и спросил:

— В цирк?

И, видя на лице отца колебание, приготовился реветь снова.

— Ладно, ладно! — поспешно согласился Ричард Петрович.

Пришлось ему поочередно перевоплощаться то в верховую лошадь, то в тигра, то в дрессированную собаку.

Когда Костик устроил пляску на отцовской спине (они изображали акробатический этюд), Ричард Петрович сквозь зубы прошептал:

— Ну, погоди же. Только приди. Получишь перцу! (Имел он в виду, само собой разумеется, жену.)

Помучив отца изрядно, Костик неожиданно уснул прямо у него на руках. Отец боялся пошевелиться и неотрывно смотрел на этого бесенка в коротеньких штанишках.

«Растешь, сынок! Вот уже какой большой стал! Мало все-таки мы с тобой вместе бываем! — размышлял он, осторожно покачивая Костика. — Нет, решено: завтра же иду в библиотеку и беру всю педагогическую литературу какая есть! Возьмусь я за твое воспитание всерьез!»

В это время вошла жена с покупками и, глядя на разгромленную комнату, без сил опустилась на перевернутый стул. Ругаться Ричард Петрович был уже не в состоянии и миролюбиво сказал:

— Тише, Костика разбудишь.

Ночью Ричард Петрович то и дело вздрагивал во сне.

ФОТОГРАФИЯ ДЕСЯТАЯ. В РОДНОМ КОЛЛЕКТИВЕ.

...Когда Коровин вернулся с курорта, сотрудники бухгалтерии его просто не узнали. А нервная Эльвира Прокофьевна даже успела набраться:

— Куда претесь, гражданин, рабочий день еще не начался!

До отпуска Ричард Петрович мямля мямлей был и от всякого проявления хамства терялся до покраснения. А тут вдруг почти пропел эдаким артистически поставленным баритоном:

— Пора, пора, лапочка, в отпуск, а то на своих кидаться начали. Совсем тут заработались, света не видите.

И пока Эльвира Прокофьевна, которую уже лет тридцать никто не называл лапочкой, некрасиво хлопала рыжими ресницами, он, гордо напружинив грудь, прошелся меж столами. Послышались восхищенные восклицания. Действительно, провозжали в отпуск аморфную, мешковатую и даже пропыленную фигуру, не имевшую ни лица, ни возраста, а вернулся загорелый атлет, которому и сорока не дашь.

— Новый анекдот слышали? — без предисловий начал отпускник.

Женщины, прикрывшись ведомостями, хихикали. А Ричард Петрович, изящно изогнув полноватую спину, нашептывал какие-то комплименты самой красивой сотруднице Зиночке, на которую раньше глядеть-то боялся.

В комнату влетел запыхавшийся Рудик, молодой специалист. Он, как всегда, опоздал.

— Рудик, — заботливо сказал Коровин, — у вас галстук в чем-то...

— Где? — испуганно опустил голову Рудик, и тут же Ричард Петрович ловко поймал его двумя пальцами за нос.

Незатейливая шутка была встречена дружным смехом. Рудик, дабы не остаться в дураках, быстро распространил ее в соседнем отделе. И вот уже в длинных коридорах учреждения то тут, то там можно было видеть сотрудников, хватающих за нос непосвященных коллег и мрачно слоняющихся командированных.

Так и не успев дойти до своего рабочего места, Коровин, окруженный стайкой поклонников, отправился в буфет и здесь неожиданно столкнулся с главным бухгалтером.

— А, отпускник! Привет, привет, — добродушно пророкотал тот, спешно дожевывая бутерброд, чтобы поспеть на очередное совещание. — Как там Сочи, стоит?

— Стоит, Гордей Семенович, — ответил польщенный вниманием Коровин и вдруг увидел на лацкане пиджака обожаемого начальника хлебную крошку.

— У вас крошка, — деликатным полусшепотом сказал он.

— Где? — быстро опустил голову главный бухгалтер.

В это мгновение и произошло то кошмарное событие, о котором в учреждении рассказывают не иначе, как на ушко. Сам не зная как, Коровин натренированным жестом ловко ухватил бугристый массивный нос начальника и... в ужасе замер. Наступила зловещая тишина, прерываемая всхлипываниями не выдержавшей нервного напряжения буфетчицы. С отчаяния Коровин стискивал свою жертву все сильнее и сильнее.

— Одбуди бой доз (отпустите мой нос),— сказал наконец тоже опешивший от неожиданности Гордей Семенович,— больно!

Ричард Петрович медленно разжал руку и, дико озираясь, бледный как смерть, опрометью кинулся прочь.

Остаток рабочего дня он провел в курилке — темном коридорчике между архивом и туалетом, мечась из угла в угол и прикуривая одну сигарету от другой. Выходившие подымить сотрудники деликатно становились поодаль и с сочувствием наблюдали за его страданиями.

— Хороший человек был Ричард Петрович, душевный,— говорил кто-нибудь вполголоса.

— Да, не работник он в нашем управлении, говорят, приказ уже на машинке...

Однако обстоятельства следующего дня показали, что Ричард Петрович — человек мужественный и житейские передраги встречает лицом к лицу. Утром, тщательно выбритый и столь же тщательно отутюженный, в подчеркнутую чистой рубаше он прошел, глядя поверх голов сослуживцев, прямо к своему столу, решительно достал лист бумаги и в один дух написал: «Прошу уволить меня по собственному желанию».

В этот момент к нему подлетела технический секретарь и, явно презирая знаки препинания, отбарабанила удивительно неприятным голосом:

— Коровин, к начальству на совещание вопрос на месте.

В глазах Ричарда Петровича зажегся зловещий огонек.

— Что ж, помирать, так с музыкой,— сказал он с отчаянной лихостью и достал из правого ящика стола заветную папочку, куда давно складывал свои записи по разного рода проблемным вопросам. Эту папку Коровин давно собирался показать руководству, но всякий раз робость останавливала его.

Совещание шло, как обычно, по давно проторенной дорожке. Кто спал, кто отгадывал кроссворд, кто рисовал мушкетеров. Неожиданно Ричард Петрович поднял руку:

— Прошу слова.

Главный бухгалтер недоуменно качнул головой — в списке выступавших Коровина не было.

Приняв кивок за знак согласия, Ричард Петрович поднялся и срывающимся от волнения голосом начал:

— Мы должны посмотреть правде в глаза. Почему на протяжении ряда лет наши оборотные средства так плохо оборачиваются?

Сотрудники со всевозрастающим интересом глядели на Коровина, когда тот, забыв о волнении, увлеченно бичевал имеющиеся в работе управления недостатки, предлагал неслыханные нововведения.

Когда все стали расходиться с совещания, главный бухгалтер громко, чтобы перекрыть поднявшийся гомон, сказал:

— Ричард Петрович! Прошу остаться на пару слов.

«Вот и все»,— впадая в равнодушное спокойствие, подумал Коровин и нащупал в кармане заявление.

— Думаю назначить вас заведующим отделом реализации,— без предисловий начал Гордей Семенович.— Давно к вам приглядывался, человек вы энергичный, инициативный.

— Заведующим? — плохо соображая, переспросил Ричард Петрович.— Как же это? А я думал...

— Что думал?

— Нос...— Коровин сделал хватательное движение пальцами.

— А-а! Нос! — главный бухгалтер рассмеялся.— Шутка старая. Кто в санатории затейником, все Гога?

И вдруг, сделав козу из двух пальцев, Гордей Семенович направил ее к глазам Коровина.

— Спорим, моргнешь,— зловещим голосом сказал он.

— Не моргну,— ответил Ричард Петрович, поедая начальство преданными глазами.

А Гордей Семенович, уже почти подняв руку к лицу подчиненного, вдруг неожиданно ухватил его за нос.

Ричард Петрович счастливо засмеялся.

ФОТОГРАФИЯ ОДИННАДЦАТАЯ. НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОТ.

Однажды ненастным вечером в квартиру Коровиных позвонили. Ричард Петрович открыл дверь и никого не увидел.

— Ричард, кто пришел? — крикнула с кухни жена.

— Никого,— ответил он озадаченно.

— Папка, гляди: какой котик! — воскликнул вышедший следом Костя.

Ричард Петрович поглядел себе под ноги и увидел роскошного пушистого черного, как ночь, кота.

Он внимательно смотрел в лицо Коровину ярко-желтыми бесовскими глазами.

— Ну входи, раз уж пришел! — сказал Ричард Петрович растерянным голосом.

— Боже, какой красавец! Наверное, соседи подбросили! — несколько нелогично воскликнула Маргарита Семеновна.

— А может, это он сам позвонил? — пошутил хозяин.

Жена покрутила пальцем у виска, намекая на умственные способности Коровина. Кот же, не обращая на них никакого внимания, терся о Костины ноги, подняв хвост трубой и громко мурлыча.

— Надо дать ему молока! — глубокомысленно заметила жена. — Он, наверное, голодный, бедненький.

— Ничего себе бедненький! Вон какой гладкий! — возразил Коровин. — Думаю, что вовсе его не подбросили, а просто он заблудился. Завтра придут и отнимут.

— Не отдам! — закричал Костя, хватая кота на руки. — Никому не отдам моего Микки.

— Микки? — удивился Ричард Петрович.

— Конечно! — твердо заявил сын. — Разве не видно?

...На следующий день начались чудеса. Коровину неожиданно выплатили премию за рационализаторское предложение, о котором он уже забыл.

Когда счастливый, как на крыльях, Ричард Петрович примчался домой и торжественно вытащил из портфеля бутылку шампанского, жена не заворчала, как обычно, а напротив, улыбнулась так, как не улыбалась ему со дня свадьбы.

— Умница! Как ты догадался? — сказала она нежно.

— О чем? — удивился Коровин.

— Что у нас сегодня такой счастливый день! Представляешь, Костя получил пятерку за диктант!

— Не может быть! — ахнул Ричард Петрович. — Ведь выше тройки он никогда...

— А я отхватила себе сапоги. Импортные! И веришь ли, рубля не переплатила! — продолжала журчать жена, а Коровин уже не слушал ее, опустошенно опустившись на стул.

Вдруг он столкнулся глазами с Микки. Кот сидел на диване и явственно усмехался.

...В последующие дни чудеса продолжались. Коровин выиграл в шахматы у кандидата в мастера. Костю поймал на улице и предложил сниматься в фильме какой-то кинорежиссер, а Маргарита Семеновна выиграла в спортлото четыре рубля. Совершенно обалдев от свалившегося на нее выигрыша, жена решилась на невероятный шаг — сама пошла в магазин и купила бутылку сухого вина.

Уложив спать Костю, супруги уютно устроились в гостиной и тихонько чокнулись хрустальными бокалами.

— Милая, — сказал Ричард Петрович жене и притянул ее к себе, чтобы поцеловать.

Маргарита Семеновна приложила палец к губам:

— Тс-с. Он смотрит.

— Кто смотрит? — завертел головой Коровин, оглядывая комнату.

— Он.
— Кто?

— Наш Микки.

— Что за глупости,— рассердился он.— Нет здесь никакого Микки.

— Здесь,— непоколебимо ответила жена.

— Где ты его видишь?

— Я не вижу, я чувствую! — гордо заявила Маргарита Семеновна и доверительно добавила: — Ты знаешь, по-моему, я экстрасенс!

— Кто? — Коровин даже подпрыгнул в кресле.

— Экстрасенс! Ты что, не слыхал никогда? У нас на работе один чудик лекцию читал. Экстрасенсы — это люди, которые биополе чувствуют. Вот, скажем, с кем-то где-то чего-то случилось, а они чувствуют.

— И ты чувствуешь?

— Конечно! Ты сам сколько раз удивлялся — не успеешь ключ в замочную скважину вставить, а я уже говорю Косте:

«Вот наш папочка опять с какого-то банкета появился!» Было?

— Было! — вздохнул муж подавленно.

— То-то же! Ты еще только выпить собираешься, а я уже чувствую!

— Значит, ты экстрасенс?

— Наверное,— кивнула жена.— Правда...

— Что?

Она перешла на трагический шепот:

— Этот чудик сказал, что экстрасенсы летающие тарелки чувт. А я вот никогда...

Летающие тарелки настроили Коровина на космический лад. Неожиданно он подскочил, озаренный новым открытием.

— Послушай,— зашептал Ричард Петрович жарким шепотом на ухо жене.— А тебе не кажется, что наш Микки вовсе не кот?

— А кто же он, собака, что ли? — хихикнула жена.

— Дура,— сказал он, несколько не рассердившись.— Он не кот, а... пришелец!

Жена чуть не свалилась с кресла.

— Кто?!

— Пришелец! С другой планеты,— заявил Коровин непоколебимо.

— Эх, ты,— сказала жена соболезнающе.— Вот что значит на лекции не ходить. На летающих тарелках к нам прилетают гуманоиды. Ясно? А не коты!

— Нет, я не спорю,— снова зашептал он.— Гуманоиды гуманоидами. Но разведчиков они же наверняка к нам засылают.

— Зачем?

— Чтобы информацию собирать.

— Информацию? — переспросила жена.

Чувствовалось, что она дрогнула. А Коровина уже понесло радостное вдохновение.

— А кто меньше всех вызовет у человека подозрение? Конечно, кот! Причем обрати внимание — во все времена и народы именно черным котам приписывали некую магическую силу. Это то, что ты теперь называешь биотоками. С помощью этих биотоков кот может принести счастье или наоборот. Ты, кстати, обратила внимание, как нам стало везти с тех пор, как к нам заявился Микки?

— А зачем ему это надо? — сдавленно спросила жена.

— Усыпляет бдительность. Мы с тобой — «хи-хи» да «ха-ха», а он тем временем нас изучает и передает своим: «Дескать, внедрился в рядовую советскую семью. Муж — экономист, жена — инженер, сын в пятый класс ходит. Так и так!»

— Что «так и так»? — совсем упавшим голосом сказала жена.

— А это я не знаю. Это уже выше человеческого понимания.

То, что Микки — пришелец, недолго оставалось тайной. Надо знать Маргариту Семеновну. К Коровиным зачастили ее подруги. Оживленно болтая, они обшаривали глазами квартиру и вдруг замирали в мистическом экстазе, обнаружив кота.

— Невероятно, — шептали они друг другу, а затем, лихорадочно припудрившись и накрасив губы, начинали нести какую-то невероятную ученую чепуху, искоса поглядывая на Микки: сглатывает он информацию или нет.

Микки презрительно щурился и внезапно исчезал. Все кидались его искать, но напрасно — если Микки не хотел показываться, никто его найти не мог.

Когда Коровин оставался один в квартире, то пытался вызвать кота на серьезный мужской разговор. Читал ему из газет спортивные обзоры и намекал, что пора бы ЦСКА улучшить положение в футбольной турнирной таблице. Кот слушал внимательно, но никак не реагировал.

Тем временем судьба по-прежнему была благосклонна к семье Коровиных. Маргарите Семеновне выделили путевку в пансионат матери и ребенка, на Черное море. Такое событие полагалось отметить. Проводив семью, Ричард Петрович пригласил домой своих друзей — аспиранта Витю и профессионального поэта Василия Подкову.

Профессионализм Василия заключался в основном в том, что он нигде не работал. Однажды напечатав стихотворение в молодежной газете, Подкова понял, что рожден быть поэтом, решительно уволился с завода и с тех пор занимался многочисленными тяжбами с издательствами, которые никак не хотели опубликовать его книгу стихов.

Выпив две рюмки французского коньяку, Василий, обычно озлобленный, подобрел и предложил почитать стихи. Друзья с благодарностью согласились.

Стихи были громкие, с надрывом, так что Витя слегка всплакнул. Коровина же, напротив, после коньяка потянуло на спор.

— Душевно, старик, ничего не скажешь. Но старо, как мир. Любовь, морковь!

— А ты что, можешь подсказать новую тему? — захохотал Подкова, показывая прокуренные зубы.

— Могу! — заявил Коровин.

— Ну-ка, ну-ка! — загомонили приятели.

— Пожалуйста. Про космос!

— Про космос было, — вяло возразил Василий.

— А я — с новым поворотом!

— Каким поворотом?

— Про кота!

Приятели смеялись до слез, а на Василия вообще напала икота. Пришлось ему срочно запивать коньяком, причем он по рассеянности налил не в рюмку, а прямо в фужер.

— Зря смеетесь! — обиделся Ричард Петрович. — Мой кот — пришелец с другой планеты.

— Докажи!

— Пожалуйста! Он вроде бы здесь, в квартире, а потом — р-раз и нету!

— Как — нету?

— Так. Исчезает в космическом пространстве!

— Подожди, давай разберемся! — строго сказал аспирант Витя. —

Сейчас где твой кот?

— В квартире, — твердо сказал Коровин. — А потом вдруг исчезает.

— Может, по рассеянности через дверь его выпускаете?

— У нас дверь на цепочке.

— Тогда, может, через форточку выскакивает?

— Наша квартира на шестом этаже, — саркастически заметил Ричард Петрович.

— Да, непонятно, — кивнул головой Витя. — Что же давай проверим экспериментальным путем.

— Микки! — позвал Ричард Петрович.

Раздался странный скрип, и друзья изумленно увидели, как кот неожиданно выпрыгнул из книжного шкафа.

— Что он там делал? — ошарашенно спросил Василий.

— Собирал информацию, — гордо заявил Коровин.

Кот индифферентно прошел мимо них и... исчез на кухне.

— Вот видите! — с торжеством заметил Ричард Петрович. — Ушел в черную дыру.

— Этого не может быть! — заявил Витя.

Они обшарили всю кухню, заглянули в каждую кастрюлю, котла не было.

— Значит, он здесь, за плитой, — упрямо сказал Витя.

— Но здесь и мышь не пролезет, — заспорил Коровин.

— Ты котов плохо знаешь, — мрачно заметил Василий, стоя на четвереньках и пытаясь снизу заглянуть под плиту. — Дай-ка вон ту палку, я его пугану.

Ричарду Петровичу не хотелось, чтобы обижали Микки, но чистота эксперимента превыше всего. Однако тыканье палкой под плиту ни к чему не привело. Кот не откликался. Тогда Витя схватил чайник и полил за плиту сверху. Хотя образовалась порядочная лужа, кот так и не обнаружили.

— Сдаюсь, — торжественно заявил Витя. — Верю, что твой кот — пришелец.

Они выпили за торжество космической науки, затем на посошок и стремлянную. Едва Коровин успел слегка прибраться на кухне, раздался телефонный звонок.

— Ричард, — послышался хриплый вымученный голос Василия. — Ради бога, скажи своему коту, что я прошу у него прощения.

— Что-нибудь случилось?

— Он на меня послал сразу два несчастья: во-первых, меня залили соседи сверху, а во-вторых, размокли все мои стихи! Пропал многолетний труд. Умоляю, чтобы он меня простил. А то у меня завтра свидание с любимой девушкой, как бы не случилось чего похуже...

Василий глухо зарыдал в трубку, а Коровина потрясла страшная догадка. Он тут же перезвонил Вите. Трубку взяла жена.

— Здравствуйте, это я, Ричард. У вас ничего не случилось?

— Ты что, экстрасенс? Представляешь, Витя такой тихий и спокойный, пошел играть к соседу в шахматы и вдруг ни с того ни с сего ударил его королем по голове. Ужас что делается! Сосед лежит с компрессом на голове, а Витя заперся в ванной, никому не открывает и орет, что собрался в космос. Дескать, у него теперь там связи. Как ты думаешь, это правда?

Ричард Петрович тихо положил трубку, встал на колени и тихо позвал:

— Микки. Микки. Прости ты этих болванов ради бога. Они ведь не со зла, Микки!

Он услышал тихое мурлыканье. Пополз на звук. Под гардеробом увидел коробку из-под сапог. По наитию заглянул туда. Там лежал Микки, а рядом с ним — шесть очаровательных котят.

— Микки! — сказал Ричард Петрович тихо. — Микки! Значит, ты не пришелец? И вообще, ты не он? А она?

— Мурр, — сказала Микки и начала с азартом облизывать своих беленьких и черненьких котят.

ФОТОГРАФИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ. ПОДАРОК МАМЕ.

Утром Ричард Петрович дал сыну пять рублей и тихо сказал: — Сегодня после школы зайдешь в магазин и купишь маме подарок. Соображаешь?

Тот догадливо кивнул головой. Чего тут не сообразить: завтра 8 Марта.

— Я бы, конечно, пошел с тобой, — продолжал папа, — но пора тебе, семикласснику, привыкать к самостоятельности!

Деньги жгли Костин карман все пять уроков, с шестого он просто убежал. И вот наконец перед ним сверкающие витрины универмага.

Нерешительно потоптавшись у отдела тканей, Костя подошел к парфюмерному лотку. Долго его взор блуждал по разным баночкам, пока не остановился на большом флаконе с надписью «Шипр». Цена — 2 рубля.

«Это как раз то, о чем мечтает мама! — подумал Костя. — Кроме того, у меня останется целое богатство — 3 рубля!»

Как их истратить? Об этом долго думать не надо. Веселой рысцой он направился в отдел юного техника.

На видном месте красовался он — великолепный «конструктор», его мечта, ценой в 3 рубля 50 копеек! Не задумываясь, Костя направился к кассе и вскоре аккуратный пакет был у него в руках.

И тут только пришла мысль о маме. «Ведь на «Шипр» теперь не хватит!» — холодея, подумал он.

Что ж, делать нечего. С отчаяния Костя купил еще модель планера, шоколадку и грустный пошел домой. Его встретил отец.

— Ну, разбойник, показывай, что купил! Так я и думал — конструктор и планер! Ну разве можно доверять такому себялюбцу что-нибудь! Смотри, что купил я!

Папа показал на внушительный сверток, лежащий на столе. Благоговая, Костя развернул розовую бумагу — перед ним во всем великолепии красовалась массивная мраморная... пепельница!

Нужно ли добавлять, что Маргарита Семеновна даже дыма табачного не переносит!

ФОТОГРАФИЯ ТРИНАДЦАТАЯ. НИ ПУХА, НИ ПЕРА.

Коровина и Вережкина связывала давняя дружба. Дело в том, что Ричард Петрович по заданию парткома был ответственным за шефскую помощь сельскому хозяйству, а Вережкин являлся директо-

ром подшефного совхоза. Коровин был частым гостем в хозяйстве: то на уборку с рабочими придет, то привезет книги для клубной библиотеки, то вечер дружбы организует. И каждый раз Владимир Захарович, крепко пожимая на прощание руку «шефа», говорил:

— Ричард, ну когда ты просто так ко мне приедешь? Все по делам. Приезжай просто отдохнуть, с Ритой, Костей, а?

Каждый раз Ричард Петрович обещал, но все как-то не получалось. Но на этот раз Верекин даже «газик» за ним прислал, так что деваться было некуда. А тут еще Костя и его друг Петя пристали: «Возьми нас с собой на охоту».

И Ричард Петрович решился. Собрали рюкзак, надели все трое спортивные куртки и сапоги, расселись в машине.

— Сначала в Малаховку! За ружьем,— многозначительно сказал Коровин-старший водителю.

От этих слов ребята даже взвизгнули от восторга.

— Ружье, конечно, надо,— не понимая веселья ребят, кивнул рассудительный пожилой водитель, которого все называли просто Миша.— Какая же охота без ружья.

Ружье это было семейной реликвией Коровиных. Оно когда-то принадлежало деду Ричарда Петровича и уже несколько десятилетий висело на стене в бабушкином доме. Вера Платоновна строго-настрого запрещала дотрагиваться до ружья, памятуя о том, что иногда даже палка стреляет.

Но на этот раз Ричард Петрович был уверен, что она отдаст его. Ведь он ехал на настоящую охоту!

Подъехав к домику, «охотники» увидели, что калитка заперта. Видимо, бабушка отправилась куда-то погулять. Чувствуя определенную приподнятость духа, Ричард Петрович решил тряхнуть стариной и лихо перемахнул через забор. Но, видно, не рассчитал силы и неудачно приземлился на георгины. Со стоном поднялся и почувствовал резкую боль в ноге.

— Пап, ты чего? — окликнул Костя.

— Не иначе, вывихнул, ступать больно.

— Как же мы поедем?

— Ничего, ничего, пройдет! — бодро ответил на тревожный вопрос мальчиков Ричард Петрович и пошел за ключом, спрятанным в условленном месте.

Пока он возился сначала с калиткой, а затем с дверью дома, вернулась бабушка. Увидев, что внук хромает, Вера Платоновна развернула бурную деятельность. Заставила разуться, смазала начавшую распухать ногу каким-то старинным целебным бальзамом и крепко перевязала. Наскоро попив обязательного чаю, «охотничья команда» двинулась дальше.

Чувствуя, как начинает дергать ногу, Ричард Петрович мысленно ругал себя за молодечество и вдруг аж похолодел.

— А ружье-то! Ружье мы забыли. Поворачивай назад!

— Пути не будет,— опасно сказал Миша.

— Ерунда! Все утки будут наши. У меня все приметы наоборот. Я даже родился тринадцатого числа.

Снова вернулись в бабушкин домик. Вера Платоновна категорически завозражала:

— Не дам. Ты еще убьешь кого-нибудь.

— Бабуся! Я же взрослый человек. И патроны вот, кстати, купил. Дробь третий номер. Специально на уток.

И Ричард Петрович показал пачку патронов. Это обстоятельство убедило Веру Платоновну в серьезности его намерения, и она со вздохом согласилась. Вскоре ружье, аккуратно упакованное в разноцветные тряпочки, было торжественно погружено в машину.

— Поехали!

— Ни пуха, ни пера! — закричала бабушка.

— Будет, будет и пух и перо,— бодро помахал ей рукой Ричард Петрович.

Уже смеркалось, когда «газик» остановился у конторы совхоза. Их встретил Веревкин.

— Давайте сразу на место,— сказал он, влезая в машину.

— А далеко это? — спросил Ричард Петрович.

— Да тут, за леском, охотхозяйство.

Совсем стемнело, когда они наконец вылезли из «газика» у домика егеря. Вдобавок начал накрапывать дождь.

— На вечернюю опоздали, но утреннюю не проспим,— бодро сказал им, поздоровавшись, егерь.— Поешьте и спать! Подъем в три часа.

Ребята мгновенно уснули, а Ричард Петрович так и проворочался, пытаясь удобнее уложить нывшую ногу. Только он забылся, как почувствовал толчок в плечо. Рядом стоял улыбающийся Владимир Захарович.

— Вставай, охотник, пора!

Кряхтя, Ричард Петрович встал, с трудом запихнул отекающую ногу в сапог и проковылял на кухню, где уже слышался смех ребят, с аппетитом уплетающих хлеб с молоком.

В крошечной тьме вышли на улицу. Ричард Петрович еле поспевал за остальными, но тем не менее цепко держал в одной руке завернутое ружье, в другой — пачку с патронами.

Послышался плеск воды.

— Сюда,— окликнул его егерь.— Садитесь с ребятами в эту лодку.

— А Веревкин?

— Он поплыл на другой край.

Ричард Петрович тяжело сел, едва не опрокинув утлую лодчонку и вызвав негодующие крики ребят. За ним легко впрыгнул егерь и сразу энергично заработал веслами. Когда вышли на простор, стало немножко светлее. Показались камышовые заросли.

— Вот здесь ваш шалашик будет,— переходя на шепот, сказал егерь.— Видите?

— Ни черта не вижу,— признался Ричард Петрович.

Подплыли поближе, и он увидел несколько досок в камышах.

— Вот это и есть шалашик. Забирайтесь, располагайтесь, только тихо,— предупредил егерь.

Сначала вылезли ребята, затем Ричард Петрович. Сидеть на досках оказалось весьма удобно. Первое, что он сделал, это вытащил ногу из сапога и облегченно вздохнул.

Начало светать. Уже было видно широкое водное пространство перед камышами. Зачирикала какая-то ранняя птица.

— Пап, наверное, заряжать пора,— шепотом сказал Костя. Ричард Петрович осторожно выпростал ружье из тряпочек и начал внимательно осматривать, поскольку стрелять из него собирался впервые.

После определенных усилий ему удалось разломить ружье пополам. Победоносно глянув на ребят, следивших за ним, затаив дыхание, Ричард Петрович начал осторожно раскрывать пачку с патронами.

— Пап, дай поддержку ружье,— сказал Костя.

— Только осторожнее, не урони,— с сожалением расставаясь с ружьем, проговорил Ричард Петрович.

Он извлек два патрона, передал пачку Пете с наказами об осторожности и снова забрал ружье. Патрон почему-то не хотел входить в патронник.

Ричард Петрович поднажал. Бесполезно. Второй патрон также никак не входил внутрь.

Ричард Петрович начал нервничать под пристальным взглядом детей.

— Наверное, гильзы набухли! — предположил он.

— Может, легонечко стукнем? — сказал заискивающе Петя.

— Я тебе стукну! Тут же капсюль как рванет! — сердито ответил Ричард Петрович и сделал еще одну попытку.

Неожиданно метрах в десяти от них, шумно хлопая крыльями, пролетела утка. Потом тишину нарушила отдаленная ружейная канонада и высоко в небе показалась целая стая уток. Вот они все ближе, ближе и вдруг начали плюхаться в воду прямо перед шалашом. Ричард Петрович насчитал семь уток. Почувствовав прилив

охотничьего азарта, он вновь с отчаянной силой начал впихивать патроны, перепробовав всю пачку.

Утки мирно плескались перед самым их носом.

— Говорил, давай пневматичку возьмем,— сердитым шепотом сказал Костя.

— Я бы их и из рогатки достал,— вторил ему Петя.

Ричард Петрович с удивлением рассматривал упрямые патроны и обнаружил, что от приложения его силы на картонных гильзах поверхность снята почти на миллиметр. Смутная догадка забрезжила в его голове.

— Тише,— миролюбиво сказал он ерзающим ребятам.— А то и другим охоту испортите. Давайте так посидим. Ведь на охоте главное что? — Ричард Петрович назидательно поднял палец.— Главное — единение с природой.

Тем временем поднялось солнце, и сразу озеро, казавшееся до этого хмуро-серым, заиграло гаммой красок от золотисто-зеленого камыша до глубокой сини воды. Ребята притихли, нахохлившись.

Вдруг утки бурно захлопали крыльями, поднялись и медленно направились к лесу. Послышались мерные всплески весел. Показалась лодка.

— Что же не стреляли, Ричард Петрович? — послышался звонкий голос егеря.— Вроде они близко от вас были. Аль уснули?

— Да вот патроны чего-то не лезут,— смущенно сказал Ричард Петрович.

— Дай-кась, посмотрю.

Егерь ловко поймал ружье, разломил, посмотрел в стволы на свет.

— Патроны какого калибра брал? — деловито осведомился он.

— Двенадцатого...

— Ну, точно. А ружье-то, между прочим, шестнадцатого.

Ребята приснули. Засмеялись и Ричард Петрович с егерем.

— Говорил я Владимиру Захаровичу, что не выйдет из меня охотника.

— Не скажи,— замотал головой егерь.— Это штука прилипчивая. Скоро опять к нам сам запросишься...

Однако Ричард Петрович твердо решил больше не охотиться. Уж слишком бурно веселились охотники, когда все собрались в домике егеря. Затем смеялись в совхозе и даже на заводе, неизвестно как узнав о результатах охоты. «Случай на охоте» стал гвоздем любого домашнего вечера в квартире Коровиных.

Последней каплей стала фраза Веры Платоновны, когда Ричард Петрович привез ей так и не выстрелившее ни разу ружье:

— Ричард, дай мне честное слово, что никого не убил!

— Бабуся, даю слово и думаю, что в жизни этого не случится!

ФОТОГРАФИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. В ЭЛЕКТРИЧКЕ.

С дачи на работу Ричард Петрович обычно ездил на электричке. Он любил окупнуться в светлый шум вагона, послушать, о чем говорят, просто поглядеть на пассажиров, пытаться отгадать, кто есть кто и зачем в такую рань едет в Москву.

Вон у окна напротив сидит худенькая живая старушка. Нет-нет да и скосит глаза на сумку, висящую над головой. В сумке — яблоки. Видать, в гости к дочери едет, внучку гостинцы везет. А работает она... пожалуй, в каком-нибудь учреждении уборщицей, или, как еще говорят, техничкой. Старательная, но острая на язык. Посетителям, да и начальству от нее попадает. Терпеть не может застенчивых. По ее глубокому убеждению, именно в них весь корень зла.

В самом деле, люди прямые и невоспитанные бросают окурки прямо на пол. А застенчивые — в кадку с пальмой, это еще, так сказать, цветочки, под сиденье стула, под валик кожаного дивана, за плинтус двери, за батарею. И вот приходится лазить, везде выискивать эти самые злосчастные окурки.

А ведь предлагала начальству сколько раз: поставьте вы пепельницы и урны. Даже на профсоюзном собрании однажды об этом говорила. Но секретарша, вертлявая такая девчонка, ответила, что они вид современный в приемной будут портить. А заместитель, между прочим, очень умный мужчина, сказал:

— Пепельницы — это нонсенс! Они означают, что у нас народ часами приема дожидается. А это уж, извините... Так недолго и до обвинения в бюрократизме докатиться!

В конце концов начальник побагровел и сказал, что есть более важные предметы для обсуждения, чем пепельницы и урны. На этом все и кончилось.

Впрочем, судя по упрямым складкам у сухоньких губ, вряд ли кончилось. Не такой человек бабуса, чтобы на своем не настоять. Цену себе знает.

— Не бойся, бабуса, не стащут! — Это не выдержал сосед старушки, крепко сколоченный румяный мужчина, в широкой улыбке показавший большое количество металлических зубов. Он тоже заметил ее сторожкие взгляды.

Зовут его Коля. Или нет, пожалуй, Толя. На запястье руки отчетливо видны только две последние синие буквы — «ля». Две первые полустерты. Видно, что владелец татуировки настойчиво пытался избавиться от заблуждений молодости.

Ричард Петрович хорошо знает биографии таких людей. В войну после семи классов пошел в ремесленное училище, потом завод. К токарному станку, на котором Толя начал работать, подставляли деревянный ящик из-под мин, иначе не дотянуться до ручек суппорта.

В шестнадцать лет выполнял норму взрослого рабочего. Если надо, простаивал по две смены. А это надо было в то время каждый день... И в этих испытаниях, в голоде и холоде рождалось и крепло чувство собственного достоинства, чувство гордости за свою профессию.

Сейчас Толя — высококвалифицированный рабочий, или скорее мастер. А едет в Москву на «детский балет «Буратино» в Станиславском». Об этом абсолютно точную информацию Ричард Петрович получил из уст его сына, непоседливого мальчишки, сидящего рядом с Коровиным, у окошка. Сей отрок вошел в вагон с воплем: «Хочу к окошку!» — и столь недвусмысленно поглядел на Ричарда Петровича, что тому пришлось подвинуться.

— Андрюша, не ерзай! Ты все пальто дяде измазал! — говорит Толина супруга. Она, судя по вызывающей пухлости розовых щечек и дефицитным импортным сапогам, работник сферы обслуживания.

Впрочем, насчет сапог, может, он и ошибается. Недавно зашел к Ричарду Петровичу друг.

— Слушай, — сказал он заискивающе, — я хочу купить пальто, ты не поможешь?

Коровин был польщен, что он так верит в его хороший вкус.

— Ну, что же, пойдём, помогу тебе выбрать пальто.

— Да нет, я не об этом, — замылся друг. — Чудак, разве так просто купить пальто! Ты как-то говорил, что у тебя знакомая есть в магазине.

Они позвонили в магазин, но знакомая оказалась в отпуске.

— Все пропало, — трагически сказал друг.

— А может, все-таки попробуем пойти так, без предварительной подготовки?

Они вошли в магазин и остолбенели от удивления. На пальто, выстроившихся в длинную шеренгу, белели этикетки «Англия», «Австрия», «ГДР», «Чехословакия». Купили они, кстати, пальто отечественного производства. Черное, модного силуэта, оно сидело на друге, как влитое. В кармашке они нашли открытку: «Уважаемый покупатель! Наше пальто сделано на уровне лучших мировых образцов». Это читать было очень приятно.

Ну, шестой, последний обитатель купе, конечно, студент. Почему «конечно»? Да потому, что электричка явно перенаселена студентами. Особенно в будни, в утренние часы. Войдешь в вагон и не можешь избавиться от впечатления, что попал в институт накануне сессии. Все что-то читают, учат, спорят между собой.

Студент из их купе — типичный представитель этого беспокойного веселого народа. Долговязый (до чего же рослые пошли послевоенные дети!), с пухлым портфелем, он углубленно изучает книгу с умопомрачительными математическими знаками. Хотя углубленность, кажется, чисто внешняя. Нет-нет да и бросит студент взгляд в соседнее

купе. Там сидит девушка. Очень симпатичная девушка. Что же, как говорится, совет им да любовь.

Ричард Петрович знал одну пару, они и познакомились, и влюбились, и поженились, и даже детей воспитывают — все на ходу.

— Мама, папа! Поглядите, какой дом! — раздается возглас Андрюшки.

Все купе обращает взоры к окну. Действительно, дом красивый — девятиэтажный, если не больше, светло-зеленого цвета.

— Неделю назад ехал, только первый этаж строили, — говорит Толя. И хотя все знают, что он, мягко говоря, преувеличивает, никто не пытается возразить. Потому что строят действительно очень быстро, и все москвичи гордятся тем, как быстро меняется облик столицы. Хорошеет, украшается московская земля!

Электричка плавно сбавляет ход. Пора и закурить.

Дмитрий Валентинович Евдокимов

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Редактор Е. Ф. Олейник.

Технический редактор В. Н. Веселовская.

Сдано в набор	13.01.82.	Подписано к печати	7.04.82.
А 00349.	Формат	$70 \times 108^{1/32}$.	Бумага газетная.
Гарнитура	«Школьная».	Офсетная печать.	Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л.	3,10.	Тираж 100 000 экз.	Изд. № 561.
Зак. № 1931. Цена 20 коп.			

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**САМАЯ СРОЧНАЯ
ХИМЧИСТКА — В САЛОНАХ
САМООБСЛУЖИВАНИЯ!**

Одежду пора освежить.
Если на ней нет пятен,
не обязательно сдавать
ее в химчистку на несколько дней.
В САЛОНЕ САМООБСЛУЖИВАНИЯ
можно в течение 30 МИНУТ
почистить 5 кг ВЕЩЕЙ.
САМАЯ СРОЧНАЯ ХИМЧИСТКА
В САЛОНАХ
САМООБСЛУЖИВАНИЯ.

Росбытреклама